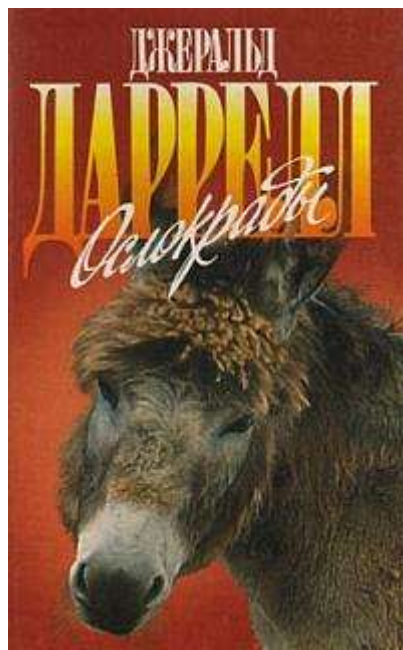

Джеральд Даррелл
Ослокрады (с иллюстрациями)

Сканирование - NewEuro

«Ослокрады: Ослокрады; Говорящий сверток»:
«Армада»; Москва; 1998; ISBN 5-7632-0689-4

Перевод: Сергей С. Лосев

Аннотация

В очередной книге Джеральд Даррелл, всемирно известный натуралист и писатель, выступает в несвойственной ему роли рассказчика веселых детских историй. Но и в этом случае в представленных в книге повестях животные являются главными героями.

Веселые, добрые истории будут интересны не только детям, но и взрослым.

Джеральд Даррелл Ослокрады

Глава первая Мелисса

Остров Мелисса затерялся где-то в Ионическом море. Он до того крохотный и лежит так далеко от главных морских путей, что о его существовании знают лишь немногие. Зато жить на этом острове – блаженство: источники щедро поят его влагой, поэтому пышно разрослись на нем оливковые и кипарисовые рощи, а по весне его долины заливают аромат цветущего миндаля. Раз в год в порт Мелиссы заходит небольшое судно с туристами, которые, едва сойдя на берег, бросаются скупать фальшивые древнегреческие вазы, давно ставшие основным доходом здешних горшечников.

На острове живет небольшая колония иноземцев. Стоит упомянуть француза весьма преклонных лет, обитающего на удаленной вилле и редко показывающегося на публике. Поговаривали, что он приехал сюда залечивать раны от несчастной любви. Но, судя по количеству смазливых пухленьких крестьянок, нанятых им прислуживать на вилле, можно было подумать, что он занялся интенсивной терапией. Еще на Мелиссе проживают две почтенные английские леди, коротающие свой век, спасая бродячих котиков, занимаясь рукоделием и давая невероятно тягостные уроки английского жителям Мелиссы.

Это, так сказать, постоянный контингент. Но в летние месяцы те немногие, кто знает о существовании Мелиссы и при этом достаточно благоразумен, приезжают сюда, снимают покосившиеся виллы – и наслаждаются жизнью: загорают на солнышке, плещутся в теплой воде и с каждым годом все больше привязываются к этому острову и к его милым, добрым жителям. Впрочем, и в этом забытом Богом уголке земного шара может произойти что угодно вопреки всякой логике. И ведь происходит!

При всяком удобном и неудобном случае местные жители поминают святого Поликарпа. В 1230 году, когда этот святой странствовал по свету, его корабль сбился с курса и жгучим сирокко¹ был прибит к берегам Мелиссы. Видимо, не во власти святого было смирение стихии, и святой Поликарп застрял на острове в ожидании, пока ветер уляжется сам. В благодарность за гостеприимство святой вознаграждал островитян парой стоптанных туфель. Очарованные сим несказанно щедрым жестом, мелисситы немедленно нарекли Поликарпа святым покровителем острова, а туфли, трепетно сберегаемые в дарохранительнице, стали главным атрибутом всякой религиозной церемонии.

На севере острова расположилась деревушка под названием Каланеро. Ее домишки сбегает

¹ Сухой и знойный африканский ветер, дующий в средиземноморских странах

ют по склонам холмов в плодородную долину, которая тянется до самого моря. Каждое утро порою за две-три мили местные жители спускаются туда на своих ишаках и возделывают поля. В самом центре деревни вот уже триста лет, если не более, рассыхается под лучами солнца старинная венецианская вилла.

В течение многих лет обитатели Каланеро посматривали на виллу косо, потому что отдыхающие, приезжавшие сюда на лето, никогда не снимали ее. Жители других деревень могли похвастаться, что у них на виллах останавливаются чужестранцы, а жители Каланеро – нет. Но вот явилось семейство Зябликов.

Глава семейства, генерал-майор Зяблик, стал в глазах жителей Мелиссы воплощением всего, что, на их взгляд, означало «натуральный англичанин». Он был высокий, немного тучный и, где бы ни появлялся, выглядел хозяином. Но его внешность и манера держаться не мешали ему любить Мелиссу всем сердцем. К тому же он обладал редкостным – во всяком случае для англичанина – даром: говорил на всех языках. Я не могу сказать вам с ходу, сколько языков имеется в Европе, но какой ни возьми, на любом он говорил, как на родном. Было у него еще одно свойство: алюминиевая нога, которой он в минуты стресса отбивал диковинные африканские ритмы.

Когда генерал-майор Зяблик открыл для себя виллу в Каланеро, местные жители были несказанно польщены. Еще бы: среди них поселился истинный англичанин, да еще свободно говорящий по-гречески, да еще наверняка боевой герой! Деревня раскололась на два лагеря. Одни считали, что он потерял ногу, когда в одиночку брал Рим, другие с пеной у рта доказывали, что это случилось, когда он голыми руками брал Берлин. (На самом деле он сломал ногу по пьяной лавочке, когда в гостях у своего старинного приятеля на Челси свалился в лестничный пролет, но этот факт тщательно скрывался от местных жителей.) Впрочем, более всего островитян подкупало его свободное владение греческим.

Генерал-майор имел единственное в жизни пристрастие – живопись. Но далеко ли уйдешь на искусственной ноге в поисках прекрасных видов! Вот, собственно, почему он без колебаний снял виллу в Каланеро: у нее была широкая терраса, с которой открывался пейзаж с кипарисами на фоне моря. С этой-то стратегической позиции он и любил писать. Каждый раз водружая свой мольберт на то же место, он малевал все тот же пейзаж с кипарисами, и всякий раз одинаково плохо. Он был убежден, что раз кипарисы так легко рисовать, то стоит добавить колорита, и выйдет не хуже, чем у любого мэтра из Королевской Академии. С упорством, которое, я убежден, помогло ему стяжать столь высокий чин, он малевал картину за картиной – к своему удовлетворению и к восхищению местных жителей. Разумеется, мелисситы относились к его художествам с таким уважением, которое сделало бы честь самому Рембрандту.

Еще в почтенное семейство входила миссис Зяблик. Она проводила время, гуляя по окрестностям и собирая коллекцию диких цветов или стряпала домочадцам еду, когда ей приходило это в голову. А еще в семье было двое детей – мальчик по имени Дэвид и девочка по имени Аманда. Они-то и стали героями нашей истории.

Глава вторая Прибытие

Разумеется, двести пятьдесят жителей деревушки Каланеро знали, что семейство Зябликов прибудет с минуты на минуту, и потому вся деревня пребывала в волнении и движении. Больше всех волновался Яни Паниоти, одноклассник и давний дружок юных англичан, с первой же встречи без памяти влюбившийся в Аманду и ставший ее преданным пажом. Его гибкое тело было смуглым от солнца, а движения ловкими, как у кошки. Из-под копны черных, словно уголь, и вьющихся, как стружка, волос парнишка смотрел на мир обезоруживающе невинным взглядом, но в его темных глазах угадывалось лукавство. Насвистывая от нетерпения, он помогал готовить виллу к прибытию гостей, а сердце его трепетало при мысли, что наконец-то появится Аманда.

Итак, выгоревшие на солнце ставни на окнах виллы были со страшным скрипом распахнуты настежь. Почтенная мамаша Агати и ее супруг, взявшие на себя уход за виллой, принялись выметать накопившуюся за зиму паутину и натирать белые деревянные полы. В это время Яни наблюдал за приведением в порядок главной террасы. Ее, как стратегически важный объект, следовало выскоблить тщательнее, чем все остальные помещения виллы.

Наконец настало утро, которого жители ждали с нетерпением. Это был день прибытия «Ионийской нимфы» – суденышка, бывшего для жителей Мелиссы единственной связью с Большой землей. Оно кренилось на правый борт, имело здоровенную пробоину в носу и грозило перевернуться в самую тихую погоду. Однако генерал-майор Зяблик любил на нем путешествовать. После каждого похода на этом углу суденышке он чувствовал себя Магелланом или Дрейком, возвратившимся из полного приключений кругосветного плавания.

Но вот «Ионийская нимфа» благополучно пришвартовалась к причалу Мелиссы, и вскоре Яни Паниоти, забравшийся на самую высокую оливу, закричал своим односельчанам, что слышит чиханье мотора и видит густое облако дыма, – это единственное на Мелиссе такси мчало семейство англичан к деревне Каланеро.

Ликованье, охватившее аборигенов, когда такси с высокими гостями вкатилось на центральную площадь, не передать словами. Даже почтенный папаша Йорго, которому (вся деревня это знала) перевалило за сотню, и тот выполз поздороваться с гостями.

От имени всех жителей деревни Зябликов приветствовал мэра Нико Ишакис – бочкообразный мужчина с огромными, как у моржа, усами. Обливаясь потом, он клялся быть всегда к услугам дорогих гостей. Явился даже чудаковатый Простак, чье круглое лицо неизменно украшала блаженная улыбка. По случаю праздника на его голове красовался старый котелок, подаренный ему генералом в прошлом году. Этот головной убор был для простака настоящим сокровищем, но еще драгоценнее был щегол, которого он всюду носил с собой в крошечной клеточке и к которому питал нескрываемую любовь.

Дары сыпались на гостей, как из рога изобилия. Здесь были корзины, полные апельсинов и лимонов, узелки с яйцами, орехами и миндалем и, конечно же, целое море душистых цветов.

Яни казалось, что за минувший год Аманда необыкновенно похорошела. С волнением она

бежала по деревне, обнимая и целуя всякого встречного; ее золотые волосы сияли на солнце, а голубые глаза блестели от восторга. Яни словно тень следовал за нею, и с его смуглого лица не сходила улыбка. Наконец все немного успокоились.

– Ну, как вам Каланеро? – поддразнивая, спросил Яни, когда вся компания, оставив позади шум деревни, шагала напрямиком к вилле.

– Как нам Каланеро? – улыбнулась Аманда, и ее глаза засияли на солнце, как сапфиры. – Да что тут говорить? Это *наша* деревня!

Когда приятели дошли до покрытых ржавчиной ворот виллы, восторженный энтузиазм Яни заметно уменьшился.

– Что ты такой скучный? – спросила Аманда. – Ты что, не рад, что мы здесь?

– Нет, что ты, я очень рад, – ответил Яни, – просто я волнуюсь.

– О чем?! – удивленно спросила Аманда.

– Это долго объяснять, – сказал Яни. – Встретимся сегодня вечером в оливковой роще. А пока до свидания, у меня еще есть работа.

– Ты хочешь рассказать нам что-нибудь интересное? – с любопытством спросила Аманда.

– Как раз нет, – сказал Яни. – Я хочу спросить у вас совета.

– Говори сейчас, что случилось, – потребовал Дэвид.

– Сейчас не могу. Только вечером, в оливковой роще, где нас никто не услышит, – ответил Яни и убежал назад в деревню.

К тому времени, когда брат и сестра добрались до виллы, миссис Зяблик и мамаша Агати дружными усилиями уже навели в ней живописный беспорядок. Миссис Зяблик, как ни старалась, не смогла осилить более четырех-пяти слов по-гречески; немногим лучше были лингвистические способности у мамы Агати. И то, что они каким-то образом ухитрились объясняться на смешении двух языков, было похоже на чудо. Генерал тоже распаковал свои пожитки, и в первую очередь – краски и мольберт, который тут же занял свое законное место на террасе.

– Правда, здесь замечательные люди? – спросила Аманда, блаженно подставляя лицо солнышку.

– Они очень добры, – сказал генерал, вдохновенно и тщательно малюя очередной пейзаж с кипарисами.

– Папа, ты уже в сотый раз мажешь эту картину, может, хватит, а? – спросил Дэвид. – Попробуй написать хотя бы под другим углом. Все равно ведь тебе не удаются деревья.

– Если ты считаешь, Дэвид, что в мои почтенные годы я должен брать у тебя уроки живописи, буду тебе очень признателен, – ответил генерал, не прерывая творческий процесс.

– Ты бы лучше рисовал, как Пикассо, – с ехидцей вставила Аманда, – так, по крайней мере, никто не будет знать, что ты этого не умеешь.

– Ступала бы лучше да помогла мамочке, – невозмутимо ответил генерал, – иначе она так и не сумеет объяснить мамаше Агати, что нам нужно на завтрак.

Аманда шутя вздохнула и отправилась напрямиком на кухню, где миссис Зяблик безуспешно пыталась втолковать мамаше Агати, что такое яичница. Однако мамаша Агати знала яйца только в двух видах: сырыми и сваренными вкрутую, когда их красят красным на Пасху.

– Бесполезно, мамочка, – нетерпеливо сказала Аманда. – Если уж не можешь выучить греческий, так хоть не ставь ее в неловкое положение – она же понятия не имеет, о чем речь.

– Милая, но ведь *все* знают, что такое яичница, – изумилась миссис Зяблик. – Когда я была девчонкой, нам ее каждый день готовили на завтрак.

– Мам, Яни подарил мне букет необычных розовых цветов, – сказала Аманда. – Они там, в комнате. Может быть, поставишь их в воду, а я тем временем займусь завтраком?

С удовольствием освободившись от тягостной задачи объяснять, что такое яичница, миссис Зяблик отправилась в соседнюю комнату посмотреть на очередное пополнение своей коллекции. Тем временем Аманда довольно ловко организовала завтрак, заказанный отцом.

Стол накрыли на террасе. Генерал, благоухающий скипидаром для разведения красок, занял законное место во главе стола и принялся поглощать яичницу, закусывая ломтями поджаренного черного хлеба с маслом и толстым слоем любимого мармелада, который он специально привез с собой.

– Ну, ребята, что вы собираетесь сегодня делать? – спросила миссис Зяблик.

– Я хочу на Остров Гесперид², – сказала Аманда.

– Нет, – твердо сказал Дэвид. – Мы же не можем плыть туда без Яни, а Яни сегодня работает.

– Но я так хочу поплавать, – сказала Аманда.

– А кто тебе не дает? Плавай сколько угодно, но на Остров Гесперид мы без Яни не поплывем.

Обычно последнее слово оставалось за Амандой, но сейчас ее младший брат был настроен столь решительно, что Аманда согласилась.

– Ну хорошо, – покорно сказала она.

Остров Гесперид был облюбован детьми еще в первое лето, которое они провели вместе на Мелиссе. Это был крошечный островок, расположенный недалеко от берега как раз напротив деревни. Он настолько зарос кипарисами, что со стороны смотрелся, как покрытый мехом равнобедренный треугольник. На вершине зеленого холма имелась небольшая площадка с миниатюрной церковкой, какие довольно часто встречаются в Греции. При церкви был небольшой домик с двумя побеленными комнатами, где много лет жил одинокий монах. Старец давно умер, и, хотя архиепископ Мелиссы обращался в Афины с просьбой прислать нового, ответа не последовало. Через два года архиепископ решил, что его письмо затерялось где-то в пути, и думал было написать снова, да, видно, забыл. Так Остров Гесперид и остался совершенно пустынным. До него было легко добраться вплавь, и когда Аманда в первый раз вышла из воды на этот берег, то, стряхивая брызги со смуглого тела, увидела у нижних ступеней лестницы, ведущей к церкви, усыпанное плодами мандариновое дерево.

– Взгляни, Дэвид! – крикнула она и ее голубые глаза стали почти черными от волнения. – Вот они, золотые яблоки!

Дэвид внимательно осмотрел дерево.

– Глупышка, разве это яблоки? Это же мандарины, – сказал он.

– Ничего, *пусть будут* золотыми яблоками, – ответила она, – назовем этот остров Островом Гесперид.

С тех пор и получил этот остров название – Остров Гесперид, и даже местные жители начали его так называть. А для наших трех героев это чудесное место стало излюбленным пристанищем.

– Так вы туда на целый день, моя крошка? – спросила миссис Зяблик. – Я собрала бы вам сумку с едой для пикника.

– На целый день, – ответила Аманда, – но не беспокойся, быстрее будет, если я соберу ее сама.

– Замечательно, золотко, – вздохнула с облегчением миссис Зяблик, – а то мне еще надо засушить столько цветов, которые мне принесли местные жители, а папочке хочется порисовать.

– Да-да, – с удовлетворением сказал генерал. Повернувшись на вращающемся стульчике, он вставил в глаз линзу и залюбовался своей мазней, – он явно был весьма польщен. – Я закончу ее на закате.

– Ну, пошли, Дэвид, – заторопила брата Аманда, – я уже соскучилась по морю.

Девочка отправилась в кухню и проворно наполнила небольшую сумку всякими вкусными вещами для себя и для брата. Ей не нужно было брать воду для питья, потому что возле пляжа, где они собрались блаженно провести время, был источник. Его хрустальная струя рассыпалась искрами на фоне красно-желтых скал и терялась среди голубых вод небольшой бухты.

Аманда и Дэвид прошагали с полмили, спускаясь к пляжу. Могло бы показаться странным, но при всей преданности друг другу брат и сестра почти никогда не разговаривали. Будучи наедине. Иное дело в компании с Яни – как тут не поболтать! А сейчас брат и сестра медленно шли рядом, занятые каждый своими мыслями. Аманда высматривала диковинные цветы, чтобы на обратном пути собрать их для маминой коллекции. Дэвид наблюдал за вездесущими голубыми и коричневыми ящерицами, выскакивающими из-под сандалий, и соображал: сколько их

---

² Геспериды – в греческой мифологии дочери Атланта, жившие в сказочном саду, где росла яблоня, приносящая золотые плоды. Похищение яблок из сада Гесперид, охранявшегося столбовым драконом, – двенадцатый подвиг Геракла.

нужно было бы запрячь, чтобы сдвинуть с места повозку? Наконец, дойдя до моря, Аманда и Дэвид сложили свои сумки на песке и, сбросив одежду, нырнули в синюю благодатную воду.

День открытия сезона на Мелиссе принес каждому из ребят свои радости. Дэвид нашел притаившегося под камнем осьминожка, и оба позабавились тем, что дразнили его палочкой. Бедняжка до того злился, что становился то розовато-голубым, то ярко-зеленым и в конце концов нырнул в глубину, оставив позади себя чернильное пятно, которое медленно растворилось в неподвижной воде. Аманда нашла диковинную оливковую ветку, отполированную морскими волнами и выбеленную солнцем.

– Интересно, – задумчиво спросила она брата, – почему все, что сотворено природой, выглядит красиво, а когда папочка пытается изобразить сотворенное природой дерево, получается такое безобразие?

– Да потому что папочка не умеет творить так же хорошо, как природа, – очень серьезно ответил Дэвид.

Дети на мгновение взглянули друг на друга и вдруг повалились на песок от безудержного хохота. Вдоволь натешившись остроумной шуткой, они еще немного полежали на солнце, затем опустошили припасенную Амандой сумку, еще немного поплавали и снова растянулись на солнце.

– Дэвид, нам сегодня нужно встретиться с Яни, – вспомнила Аманда, неожиданно вскочив.

– Он сказал, в котором часу? – сквозь дрему спросил Дэвид.

– Нет, – сказала Аманда, – но думаю, что приблизительно тогда, когда засветятся светлячки.

– Тогда пора возвращаться, – проговорил Дэвид, щурясь на солнце.

Дети медленно отправились в обратный путь, чувствуя, как высыхает соль на слегка обожженной коже. Пока они шли, Аманда успела собрать большой букет цветов для мамы, а Дэвид подсчитал, как мог, сколько же ящериц нужно впрячь в повозку, чтобы стронуть ее с места: получилось шесть миллионов восемьсот сорок две тысячи. Правда, он сам себе признавался, что ответ мог оказаться неточным: Дэвид не имел представления о тягловой силе одной ящерицы и запомнил, что надо поймать одну и провести эксперимент.

– А, это вы, – сказала миссис Зяблик. – А я уже собралась идти искать вас.

Ей как-то не пришло в голову, что в поисках дражайших крошек пришлось бы обойти всю Мелиссу, так как она понятия не имела о том, куда они ушли.

– Какие прелестные цветы, милая. Спасибо большое! А знаешь, и я не напрасно потратила время. Я нашла три редких вида прямо у нас под террасой.

– А что у вас было на обед? – заинтересовалась Аманда.

– На обед?! – недоуменно переспросила миссис Зяблик. – Да так, кое-что.

– Так, может, вы вообще не обедали? – настаивала Аманда.

– Да не помню, моя хорошая, – сокрушенно сказала миссис Зяблик. – Спроси у папы.

Тем временем генерал накладывал последние ядовитые мазки заката позади кое-как намаленных кипарисов.

– Папа, что тебе мама давала на обед? – спросила Аманда.

– А, это ты, лапочка, – проговорил генерал, отступив на шаг от мольберта и устремив свой монокль на холст. – Ну, что ты об этом думаешь? Ведь сильно?

– И даже более чем сильно, – съязвила Аманда. – Так ты не ответил на вопрос: вы с мамой вообще обедали?

– Да-да, – вмешался Дэвид. – Я справлялся у Агати.

– Вот и прекрасно, – сказал генерал и опрокинул бутылку скипидару. – А вы, надеюсь, хорошо провели время?

– И даже очень, – ответила Аманда, хотя отец, кажется, ее не услышал. Глянув вниз на оливковую рощу, она увидела первые зеленые мигающие огни светлячков.

Глава третья Коварство мэра

Когда брат и сестра пришли в оливковую рощу, было уже почти темно и даже слышались ночные крики сов.

– Интересно, что нам хочет сообщить Яни? – гадала Аманда.

– Наверное, что-нибудь о своем отце, – сказал Дэвид.

– Но ведь его отец умер в прошлом году.

– Может быть, о чем-нибудь, связанном с его отцом, – настаивал Дэвид.

Они все углублялись в темную оливковую рощу, но Яни нигде не было видно, и брат с сестрой, удивленно переглянувшись, осмотрелись вокруг.

– Как ты думаешь, где он? – забеспокоилась Аманда.

– Да надеюсь, скоро появится, – ответил Дэвид.

В этот момент что-то зашуршало в ветвях гигантской оливы, и Яни спрыгнул оттуда как мартышка.

– Тс-с-с! – прошипел он. – Это я, ле-е-ш-ш-ий! Он улыбнулся, увидев, как здорово их напугал, и протянул Аманде руки.

– Погляди, я принес тебе подарок.

Аманда повернулась, и Яни рассыпал по ее золотым волосам две пригоршни светлячков, засверкавших, как изумруды.

– Ну и смешной же ты, Яни, – сказала Аманда, отряхивая волосы. – Ой, да они живые!

– Так оставь их, пусть горят у тебя в волосах, – попросил Яни. – Ты такая красивая...

– Там кто-то притаился за деревом! – вскрикнул Дэвид.

Яни быстро оглянулся.

– А, да это всего-навсего лишь Простаки, – сказал он и позвал мальчика. Тот вышел из темноты, снял котелок и поклонился Аманде, поставил на землю клеточку со своим драгоценным щеглом и, счастливый, уселся на корточках рядом с детьми.

– Так что ты хотел нам сообщить? – в нетерпении спросила Аманда.

– Это касается моего отца, – начал Яни.

– Ну, что я говорил? – Дэвид торжествующе посмотрел на сестру. – Как в воду глядел!

– Тише, – нетерпеливо сказала Аманда. – Дай человеку высказаться.

– Дело вот в чем, – объяснил Яни. – Оказывается, мой отец взял взаймы у Нико Ишакиса восемнадцать тысяч драхм, а я узнал об этом только после его смерти.

– Как у Ишакиса? У этой лицемерной жирной бочки? – ужаснулась Аманда. – Да от него вообще лучше держаться подальше!

– Так-то так, но он самый богатый человек в деревне, и он один смог одолжить отцу такую сумму, – сказал Яни. – После смерти отец оставил мне виноградник, клочок поля и маленький домик, в котором мы жили. Это все, что у меня есть. Я обрабатывал землю и ухаживал за виноградником, и мне помогал Простаки. Это хоть и не приносит особого дохода, но на жизнь хватает. И вот мэр требует отдать ему восемнадцать тысяч драхм, иначе грозит отобрать и виноградник, и поле, и домик в уплату долга. А где мне взять восемнадцать тысяч драхм? У меня есть двоюродный брат в Афинах, и я написал ему, но он сам беден да к тому же болен. Так что, если ничего не удастся придумать, я окажусь на улице.

Чем дальше Аманда слушала рассказ Яни, тем больше злилась; когда же рассказ подошел к концу, она просто взорвалась.

– Ах эта наглая толстая жаба, – гневно воскликнула она, – старый пивной бочонок, жирный мешок, набитый глупостью! В жизни не видала более низкой твари! Давайте подожжем его дом! Будет знать!

– Не болтай глупостей, – остановил ее Дэвид. – И не надо выходить из себя. Давайте обдумаем все спокойно.

– А что, – взволнованно сказала Аманда, – если попросить денег у отца?

– Держи карман шире, – махнул рукой Дэвид. – Вспомни его любимую фразу: берешь чужие, а отдавать придется свои.

– Но, может быть, он сделает это для Яни, – предположила Аманда. – Ведь Яни наш друг.

– Не думаю, – горестно проговорил Дэвид. – Если уж он мне не дает ни гроша, то с чего это он даст денег постороннему человеку?

– Надо что-нибудь придумать, – сказала Аманда.

– Вот именно. Давайте помолчим и подумаем, – согласился Дэвид.

Ребята сели поближе, любовались светлячками, горевшими в волосах Аманды, и соображали, что же предпринять.

– Значит, так, – враспяжку произнес Дэвид, – надо как-то заставить мэра дать Яни отсрочку.

– Правильно, – сказала Аманда, – но что с ним можно сделать?

– Можно как-нибудь припугнуть.

– Но чем можно попугнуть самого богатого человека в деревне?

– Нужно вспомнить, чем он дорожит.

– А давайте похитим его жену, – внезапно воскликнула Аманда.

– Как это – по-хи-тим?! – удивился Яни.

– Она имеет в виду: поймаем, запрем где-нибудь и станем требовать, – объяснил Дэвид. –

По-моему, дурацкая затея.

– Слушай, Дэвид, ты пока вообще ничего не предложил, – запротестовала Аманда, – и я не понимаю, почему ты считаешь идею глупой.

– Я тоже боюсь, что не сработает, – горестно сказал Яни. – Во-первых, она чудовищно толстая и мы просто не сможем унести ее. Во-вторых, я думаю, что мэр будет только рад от нее избавиться. Представьте себе, что будет, если мы похитим жену мэра, а он ее обратно не захочет – что с ней тогда делать? Она ведь ест больше, чем все остальные жители деревни, вместе взятые.

– Да, и главное, похищение людей – это нарушение закона, – заявил Дэвид.

– Кстати, – не сдавалась Аманда, – а являются ли законными действия мэра по отношению к Яни?

– В том-то и вся штука, – вздохнул Дэвид, – это называется «изъятием имущества за долги» и вполне в рамках закона.

– Вот это да, – протянула Аманда, удивляясь, насколько ее брат подкован в юриспруденции, – но я все равно не понимаю, почему мы не можем похитить жену мэра. В конце концов, здесь же никто не следит за соблюдением закона.

– Ты забыла Менелуса Простафили, – напомнил Дэвид.

На это Аманда залилась смехом, к которому присоединился и Яни. Вся деревня знала, что Менелус Простафили был слишком мягкосердечным полисменом, чтобы кого-то арестовать. К тому же в течение многих лет он упражнялся лишь в одном искусстве – плевать в потолок, так что заставить его вылезти из постели могло бы только особо дерзкое нарушение закона.

– Да уж. Если он – единственный страж закона, которого нам следует опасаться, – смеялась Аманда, – то мы можем спокойно похитить всю деревню.

– Правильно, но с женой мэра будет больше возни, чем со всей остальной деревней! – грустно сказал Дэвид.

– Ты прав, – согласилась с ним Аманда. – Давай посоветуемся с отцом.

– Ты что? Он же нам все испортит.

– Балбес, я не собираюсь говорить ему об этом прямо. Можно намеками выяснить его взгляды.

– Не представляю, как ты это сможешь сделать, не объясняя ничего, – пожал плечами Дэвид.

– Оставь это мне, – уверенно заявила Аманда. – Я тоньше разбираюсь в этих вещах, чем ты.

А сейчас пойдете-ка ужинать. Как ты, Яни, смотришь на то, чтобы завтра поплыть с нами на Остров Гесперид и обсудить там детали? А я тем временем выясню позицию нашего папаши.

– Прекрасно, – сказал Яни, прощаясь. – Значит, встречаемся завтра утром на пляже.

Дети отправились домой, горячо обсуждая тему похищения. Когда они пришли, на террасе уже горели медные керосиновые лампы и окна были озарены золотым светом. Там уже был накрыт стол к ужину.

– Ах, это вы, мои крошки, – сказала миссис Зяблик. – А я как раз собиралась вас искать, потому что Агати приготовила ужин. Во всяком случае, *думаю*, что приготовила, потому что папочка не захотел пойти в кухню и спросить у нее.

– При наличии двух женщин в семье, – пробурчал генерал, попыхивая трубкой, – почему именно я должен идти в кухню и вдаваться в хозяйственные подробности.

– Правильно, папочка, – сладко улыбнулась Аманда. – Сиди-сиди, я сейчас сбегаю и все выясню.

– И-ди-отка, – прошипел Дэвид, проследовав за ней на кухню.

– Ты чего это? – удивилась Аманда.

– Корчишь из себя пай-девочку, – сказал Дэвид, – если слишком войдешь в роль, он заподозрит неладное.

– Ничего не случится, вот увидишь, – сказала Аманда.

Затем все уселись за накрытый стол, и некоторое время семейство ужинало в полном молчании.

– Ты всласть порисовал сегодня, милый? – спросила наконец своего супруга миссис Зяблик. Она давно оставила надежду, что ее благоверный когда-нибудь станет настоящим художником, и относилась к его творчеству как к мании.

– О, у меня сегодня новый шедевр, – ответил ей генерал. – А кстати, жаркое удалось!

– Спасибо, родненький, – сказала тронутая миссис Зяблик, хотя сама она не принимала участия не то что в готовке, но и в заказе ужина.

– Скажи, папочка, – спросила вдруг Аманда, – если бы ты писал картины как Рембрандт, что бы ты делал?

– О-о, я был бы счастлив, – сказал генерал.

– Я имею в виду – если бы ты внезапно открыл в себе талант Рембрандта, стал бы ты продавать свои работы?

– Пожалуй, – ответил удивленный генерал.

– И если бы у тебя весь чердак был набит шедеврами на уровне кисти Рембрандта, как бы ты их подписывал? – спросила Аманда.

Дэвид, обеспокоенный таким странным подходом сестры к животрепещущей проблеме, ерзал на стуле.

– Ну, выдавать их за подлинного Р-рембранд-та, – подумав, сказал генерал, – было бы незакон-но, так что мне пришлось бы продавать их под моим собственным именем. Н-ну, можно, конечно, придумать себе псев-до-ним – вот, например... Рем-бранд-хлыст... Нет, не годится... Рем-бранд-мей-стер? Ближе к делу... Ага! Вот! Рембранд-майор!

Обер-унтер-Рембранд-генерал-майор! А, каково! А если бы я продавал их как подлинного Рембрандта, это было бы мошенничеством.

– Папа, скажи, – снова спросила Аманда, – почему одни действия считаются преступлениями, а другие нет?

– Видишь ли, милая, над этой проблемой веками бьются философы и религиозные конфессии, а ты хочешь, чтобы я сейчас, с куском жаркого во рту, дал тебе скорый и точный ответ!

– Ну папа, – настаивала Аманда, – действия, которые причиняют людям боль, понятное дело, относятся к преступлениям; но скажи, почему преступлениями иногда называются деяния, которые вовсе не обязательно причиняют людям боль?

– Девочка моя, – обреченно сказал генерал, – ты порою говоришь так же непонятно, как и твоя мать.

– Ну... – сказала Аманда, в раздумье подняв руку с вилкой, – например... Если ты будешь продавать свои шедевры как подлинного Рембрандта, ты же никому не причинишь страданий, и тем не менее это будет преступление. Или... возьмем похищение человека. Предположим, при этом ему никто не причинил вреда. Будешь ли ты считать, что это преступление?

Генерал сунул в рот огромный кусок мяса и стал медленно жевать, чтобы было больше времени обдумать ответ.

– По моему глубочайшему убеждению, – сказал он наконец, – похищение человека – самое тяжкое преступление после убийства, истязаний и голосования за партию лейбористов.

Дэвид с самодовольным видом взглянул на сестру.

– Однако, – заинтересовался генерал, отодвинув стул от стола и достав из кармана трубку, – чем вызван этот внезапный интерес к самым недобрым деяниям рода человеческого? Надеюсь, вы не собираетесь заниматься ночным похищением котов?

– Конечно нет, – успокоила его дочь, – мы только хотели выяснить. Ты же сам говорил, чтобы в случае сомнений мы обращались к тебе.

– Беда в том, – объяснил генерал, – что после этих расспросов меня тоже начинают охватывать сомнения.

Выкурив трубку, он принялся в быстром темпе выбивать алюминиевой ногой сложный ритм.

– Генри, милый, может, не надо? – с надеждой спросила миссис Зяблик.

– Это боевой ритм племени ваттуси, – объяснил генерал, – его играют всегда, когда готовятся к войне.

– Все это интересно, – с сомнением сказала миссис Зяблик, – но почему за столом? Ты подаешь детям дурной пример!

– Абсолютно не вижу связи, – сказал генерал. – По-моему, никто из них не курит и ни у кого из них нет алюминиевой ноги.

– Да, но когда я была девочкой, – настаивала миссис Зяблик, – джентльмены не выделяли за столом подобных штучек.

– А вот я, – твердо сказал генерал, – не джентльмен? С тех пор как ты вышла за меня замуж, ты провела двадцать бесплодных лет в попытках сделать меня лучше. Может, откажешься наконец от сизифова труда, а?

Дети незаметно отправились спать, оставив своих родителей за дружеской словесной перепалкой.

– Говорил я тебе, похищение – не дело, – сказал Дэвид, когда они взбирались по скрипучей деревянной лестнице, разошедшаяся за множество лет.

– Все равно надо что-то предпринять, – твердо сказала Аманда, – мы просто обязаны решить эту проблему. Нельзя допустить, чтобы этот жирный боров отнял у Яни землю. В конце концов, у него всего два акра. Как он с них кормится, непонятно.

– Согласен, что надо действовать, – сказал Дэвид, – но, если дело сорвется, мы только навредим Яни.

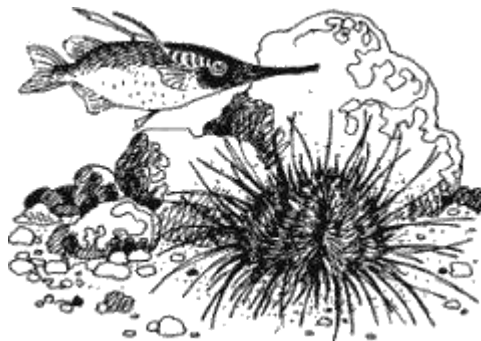
– Что касается меня, – проговорила Аманда с большим достоинством, – то я предлагаю отложить раздумья на утро. Утро вечера мудренее.

Величественно, как принцесса, она внесла к себе в спальню керосиновую лампу и закрыла за собой дверь.

– Не завидую тому, кто возьмет тебя замуж, – крикнул ей вслед Дэвид, направляясь к себе в спальню. Аманда открыла дверь.

– Не думаю, что ты вообще найдешь ту, которая захочет за тебя замуж, – ответила она и закрыла дверь. Дэвид попытался найти реплику поязвительнее, но не смог. Он лег в постель и занялся пересчетом, сколько же потребуется ящериц, чтобы стронуть с места повозку.

На следующее утро ребята встретились с Яни на золотом пляже и вместе медленно поплыли к Острову Гесперид. Они поминутно ныряли, чтобы рассмотреть под водой странную рыбу или черного морского ежа, свернувшегося, словно обычный земной еж. Приплыв на остров, они стали взбираться по нагретым солнцем ступеням, и их мокрые следы тотчас же высыхали. Поднявшись до террасы, они разлеглись вокруг небольшого колодца и снова заговорили о насущных проблемах.

– Папа сказал, – начала Аманда, – что похищение людей очень тяжкое преступление, и, значит, мы не можем похитить жену мэра.

– Я рад, – улыбнулся Яни. – Представляю себе, как тяжело ее тащить. Ведь она лопает, как три поросенка!

– Слушайте, – сказал Дэвид, – этой ночью я подумал, что Ишакис порядком надоел всей деревне. Правда ведь?

– Да, – подтвердил Яни, – он всем надоел, но он мэр уже четыре года, и с этим приходится считаться.

– Так вот, – продолжал Дэвид. – Надо как-нибудь настроить всю деревню против него. Это его образумит.

– Да, но как это сделать? – грустно протянул Яни.

Дети лежали, перебирая идеи. Вдруг Яни вскочил на ноги и, улыбнувшись, наклонился к Аманде. Успевшая немного загореть, сейчас она казалась еще прекраснее, чем прежде. Ее тело и волосы золотились на солнце.

– Хочешь пить? – спросил он.

– Откуда?

– Из колодца, – лукаво ответил Яни, и глаза его искрились от смеха.

– Как из колодца? Чтоб я подхватила тиф? – недоверчиво переспросила она.

– А вот увидишь.

Яни подошел к колодцу, откинул накрывавшую его тяжелую железную крышку и потянул за веревку. Из прохладной глубины со звоном и плеском показалось ведро, в котором покоилось несколько бутылок лимонаду. Из-под камня, лежавшего возле колодца, он извлек открывалку, распечатал бутылку и торжественно подал ее Аманде.

– Откуда это?! – изумилась та. Яни ответил широкой улыбкой.

– Я утром переплыл сюда и опустил их в колодец, чтобы не нагревались. Ну, так ты не подхватишь тиф?

– Какой ты славный, Яни. – Аманда была тронута, но глаза ее погрустнели. – Ну как бы тебе помочь!

Яни философски пожал плечами.

– Если не сможете, то ничего не поделаешь, – сказал он. – Но хоть попробуйте. В конце концов, у меня нет никого, кроме моих друзей.

Аманда выпила прохладного лимонаду и снова улеглась на солнце, но ни на секунду не переставала думать о беде Яни. Сам же он присоединился к Дэвиду в попытках решить задачу с ящерицами.

До острова долетали звуки с Мелиссы: голос крестьянки, приветствующей товарку; тенор молодого петушка, делающего первые, неуверенные шаги в искусстве пения; лай собаки и знакомые траурные звуки ишачьего рева.

Неожиданно Аманда вскочила.

– Тс-с! – шепнула она мальчикам. – Слушайте! Мальчики прекратили болтовню и напряженно вслушивались пару секунд, но не услышали ничего, что прояснило бы волнение Аманды.

– Ну, и что же мы– должны услышать? – в растяжку спросил Дэвид.

– Вот это, – сказала Аманда, и, когда стихли последние скорбные ноты рева, ее лицо залила блаженная улыбка.

– Так это же всего-навсего осел, – удивился Яни.

– Вот именно. Всего-навсего осел. Это и есть решение проблемы.

– Что ты такое говоришь?! – раздраженно сказал Дэвид. – Как это ревуший осел может ре-

шить Янины проблемы?!

Аманда повернулась к ребятам с сияющим лицом, и глаза ее сделались почти черными.

– Вы что, нарочно отказываетесь меня понимать? – спросила она. – Мы хотим устроить нечто такое, что настроило бы жителей деревни против мэра. Разве не так?

– Так, но как, – удивился Яни, – может ишак настроить людей против мэра?

Аманда вздохнула, как всякая женщина, столкнувшаяся с непробиваемой тупостью мужчин.

– Ну так слушайте. Поля, принадлежащие сельчанам, находятся далеко в долине. Кто лучший помощник человека в обработке полей, сборе урожая и, наконец, перевозке его в деревню?

– Конечно же ишак, – все еще не понимал Яни.

– Сейчас до тебя дойдет, – торжествующе сказала Аманда. – Если похитить всех ослов, жизнь в деревне будет парализована. И вместе с тем это нельзя приравнять к похищению людей.

– Вот это идея! – воскликнул Яни и расхохотался.

– А подействует? – усомнился Дэвид. – Надо обдумать.

– Вечно ты со своим «надо обдумать, надо подумать»! – сказала Аманда. – Когда ты будешь что-то *делать*?

– Но, как бы там ни было, ты сама это придумала? – спросил Дэвид.

– Сейчас я все объясню, – заговорщицки прищурилась Аманда и наклонилась вперед. Ее глаза горели.

Глава четвертая Разведка

– Во-первых, – сказала Аманда, – нам нужно выяснить точно, сколько в деревне ослов. Ты это знаешь, Яни?

Тот пожал плечами.

– Не могу сказать точно, я их не считал. Штук двадцать.

– Нам нужен точный ответ, – сказала Аманда. – Если мы похитим только половину, наша операция потеряет всякий смысл.

– Тогда непонятно, как ты собираешься это осуществить, – с сомнением вставил Дэвид.

– А ты не перебивай, – сказала Аманда. – Мы организуем гигантский налет и захватим всех ослов сразу.

– Не сходи с ума, – с осуждением сказал Дэвид.

– Дело вот в чем. Если мы будем похищать их по одному, то, пока мы уведем трех-четырёх, хозяева спохватятся и дадут знак остальным, а те запрут своих ослов под замок. Надо брать только всех сразу.

– Я не представляю, как мы можем захватить сразу двадцать ослов, – сказал Дэвид. – И даже если это удастся, что с ними потом делать?

– Ну... Спрячем где-нибудь в холмах, – легкомысленно предположила Аманда.

– Не слишком удачная мысль, – вступил в разговор Яни, – потому что в холмах негде разместить столько ослов, да еще так, чтобы их никто не нашел. Надо спрятать в такое место, где

никому не придет в голову их искать.

– Придумала! – воскликнула Аманда с сияющими глазами. – Спрячем их здесь!

– Как, на Острове Гесперид? – изумился Дэвид. – Я вижу, ты и впрямь свихнулась. Как мы их сюда доставим?

– Ну а *мы сами* как сюда попадаем? – переспросила Аманда. – Вплавь.

– А умеют ли плавать ослы? – усомнился Дэвид.

Брат и сестра уставились на Яни, ожидая ответа. Но тот пожал плечами.

– Вот уж никогда не интересовался. Мы же не плаваем на них. Но, в самом деле, если мы спрячем ишаков на Острове Гесперид, то никому и в голову не придет искать их здесь. По-моему, неплохая мысль, а?

– А по-моему – абсолютно идиотская с начала до конца, – сказал Дэвид.

– Сначала попробуй, а потом уж говори, – сказала Аманда.

Дэвид снова прокрутил весь план в голове. Чем больше он думал, тем более рискованной казалась ему затея. От мысли, как же разгневается отец, если их поймают на месте преступления, его слегка тошнило. Но, как он ни тужился, не мог придумать альтернативы плану Аманды.

– Будь по-твоему, – неохотно согласился он. – Только с одним условием: организационную сторону вы оставляете мне и не будете делать глупостей. План должен быть осуществлен как военная операция. ПУНКТ ПЕРВЫЙ: узнать, сколько в деревне ослов. ПУНКТ ВТОРОЙ: выяснить, умеют ли ослы плавать, в противном случае вся схема бесполезна.

– Но ведь лошади умеют, – заметила Аманда.

– Знаю. Только из этого не следует, что умеют ослы, – подчеркнуто сухо сказал Дэвид. – Теперь давайте распределим роли. Во-первых: Аманда, Яни и Простаки, если он захочет участвовать в нашем деле, обойдут деревню и сосчитают ослов. В это время я вырабатываю план, целью которого ставлю выяснение вопроса, умеют ли ослы плавать.

– Так ведь можно просто подвести одного к морю и столкнуть в воду, – предложила Аманда.

– Отпадает, – ответил Дэвид, – потому что если кто-нибудь это заметит, то обнаружится весь наш план. Я подумаю обо всем как следует, а пока что давайте возвращаться и начинайте считать.

Довольно сильно волнуясь, приятели переплыли назад на Мелиссу и стали подниматься на холм в направлении деревни.

Теперь, в основном приняв идею Аманды, Дэвид проникался ею все больше, и она все более интриговала его. Да, признался он сам себе, это куда интереснее, чем исчислять тягловую силу ящериц! Весь остаток дня Дэвид ходил в напряженном раздумье, пока Аманда, Яни и Простаки обошли деревню с карандашом и блокнотом в руках, внося в реестр ослов и их владельцев. Причем интерес, с которым дети выспрашивали о тягловом и вьючном инвентаре, чрезвычайно тронул сельчан.

– Замечательно то, – сказал Яни, когда задача была почти выполнена, – что в деревне совсем нет ослят. Потому что их переправить на остров было бы невозможно.

– Подумаешь, – бросила Аманда, махнув рукой, – их можно легко перевезти на лодке.

Подсчеты показали, что в деревне проживают восемнадцать ишаков и один пони. К радости ребят, этим пони и еще пятью ослами владел не кто иной, как сам мэр Ишакис.

– Вот здорово! Вот как мы его подденем! Вот как мы его проучим! – ликовала Аманда. – Ей-богу, он взмокнет еще больше, чем всегда.

Вечером, когда зажглись первые светлячки, четверо заговорщиков собрались в старой оливковой роще на очередной военный совет. Аманда доложила Дэвиду разведанные о численности ишаков и, что было особенно важно, сведения о местах их дислокации в ночное время.

– Да, задачка не из легких, – удрученно произнес Дэвид, изучив список. – Ну предположим, нам удастся увести за ночь девять или десять из них, но чтобы восемнадцать...

– Вторым по численности стадом ослов, после мэра Ишакиса владеет папаша Никос, – доложила Аманда.

– И он всегда рано-рано утром выгоняет их в поле, – добавил Яни. – Там-то и надо попытаться их добыть.

– Кстати, – спросила Аманда брата, – ты придумал способ узнать, плавают они или нет?

– Да, – ответил Дэвид с некоторым оттенком таинственности. – Я придумал блестящий

план. Помните небольшой мостик через речку у самых полей?

– Конечно, – кивнули ребята.

– Так вот. Если мы как-нибудь выведем мост из строя, то, когда по нему поведут ишака, он рухнет. Вот мы и увидим, плавают они или нет. Там не так уж глубоко, и, если окажется, что ослы не плавают, мы его вытащим.

– Здорово придумано, Дэвид! – в восхищении проговорила Аманда.

– А как ты собираешься вывести мост из строя? – спросил Яни.

– Это не трудно. Я сегодня спускался туда и все разведаль. Он так подгнил, что стоит немного подпилить две центральные опоры и вся конструкция рухнет в воду не то что под ишаком, а даже под ящерицей.

Аманда залилась счастливым смехом.

– Какой же ты умничка, Дэвид! – восторженно воскликнула она. – Мне не терпится, когда же мы начнем?!

– Чем скорее, тем лучше, – с достоинством излагал Дэвид. – Сейчас ночи безлунные, так что спустимся туда сегодня ночью и подпилим. Придем потом рано поутру и засядем в кустах. Правда, у нас, кажется, в доме нет пилы.

– У меня есть! – взволнованно сказал Яни. – Сейчас принесу.

– Послушай, Простаки! – строго сказал Дэвид, уставив свой указательный палец прямо на мальчика в черном котелке. – Никому ни гугу, слышишь?

Простаки утвердительно покивал головой и перекрестился.

– Что ты, он никому не скажет, – вступился за него Яни. – Он же мой друг.

Глубокой ночью дети выскользнули из своих спален и спустились по лестнице, вздрагивая от каждого скрипа из опасения, что генерал проснется и их планы рухнут. Им удалось выйти из дома, не потревожив родителей, и, встретившись с Яни и Простаки, они крадучись (что было совершенно излишне, потому что вся деревня спала) добрались до мостика через грязную речку у кромки полей. Дэвид разделся и нырнул в мутную воду, предварительно расставив дозорных наблюдать за окрестностями на случай, если появится кто-нибудь, кто может услышать звук пилы.

Подпилить две опоры оказалось делом нескольких минут. Они действительно настолько прогнили, что пила входила в дерево, как в масло. Кончив действовать пилой, Дэвид выкрутил их и вставил в грязь так, что со стороны казалось, будто они по-прежнему поддерживают мост, хотя на самом деле пользы в них не было уже никакой. Выбравшись на берег, он смыл с себя грязь, оделся, и приятели отправились по домам.

Последние блески звезд еще догорали на жемчужно-розовом небе, когда Дэвид разбудил Аманду. Захватив по дороге Яни и Простаки, дети вышли к мостику по свежему утреннему воздуху. Бамбуковые заросли, произрастающие неподалеку, оказались отличным наблюдательным пунктом. Дети залегли в засаде и стали ждать появления первых путников.

И надо же было случиться, что тот, кому судьба уготовила первым проехать по мостику в это злосчастное утро, был не кто иной, как мэр Ишакис! Его-то ребята меньше всего ожидали увидеть, потому что обычно мэр проводил целые дни в деревенской таверне, а полевыми работами заправляла его супруга. Но накануне она заметила потраву – очевидно, какой-то зверь повадился на пшеничное поле. И вот мэр отправился на место происшествия сам. Естественно, тащиться пешком ему было ни к чему, поэтому он оседлал одного из своих ослов.

– Святой Поликарп! – прошептал Яни, широко раскрыв глаза. – Это же сам мэр!

– Вот здорово! – захихикала Аманда.

– Тише, услышит! – прошипел Дэвид.

– Представляю, как он взвояет! – потирал руки Яни.

– Так ему и надо, – ликовала Аманда. – Это будет, как говаривал мой папочка, Торжество Поэтической Справедливости.

Ребята наблюдали, как осел, прогибаясь под тяжестью мэра, осторожным шагом спускался с холма и трусил к мостику. Непривычный к таким физическим упражнениям, как утренняя прогулка на осле, мэр клевал носом. Когда животное ступило на мостик, ребята затаили дыхание. Копыта ишака стучали по мостику, а Дэвид с замирающим сердцем ждал, сработает ли его уловка. Ко всеобщему восторгу, едва осел дошел до середины мостика, вся конструкция издала сладкозвучнейший треск, и осел с мэром плюхнулись в воду. Страшный всплеск, сопровождавшийся фонтаном брызг, потонул в душераздирающем вопле мэра.

– Сработало! – прошептал Дэвид, и глаза его блестели от волнения. – Сработало!

– Блестяще! – воскликнула Аманда.

– Ты гений, Дэвид, – пробормотал Яни.

Результатом эксперимента явились два открытия. Первое – что ослы превосходно умеют плавать (этот благополучно выбрался на берег), и второе – что мэр не умеет плавать совсем.

– Что нам делать? – заволновался Яни. – Не можем же мы допустить, чтобы он утонул. Скорее пойдем и спасем его!

Между тем мэр, ухватившись за одно из плавающих на поверхности воды бревен, молил о помощи во всю силу своих легких. Но в столь ранний час никто не отзывался, и бедняга решил, что рядом никого нет. Он непрерывно взывал ко всем святым и пытался перекреститься, но для этого ему пришлось бы оторвать руку от бревна, которое только и держало его на плаву.

– Тебе нельзя показываться ему на глаза, Яни, – сказала Аманда, – а то он обо всем догадается. Пойдем лучше мы.

Брат и сестра ринулись вдоль берега на выручку барахтающемуся мэру.

– Не беспокойтесь, господин мэр, – крикнула Аманда на бегу. – Мы идем к вам на помощь!

– Спаси-и-те! Спаси-и-те! – вопил бедолага.

– Да не кричите, мы уже близко, – нетерпеливо проговорил Дэвид.

Дети добежали до моста и прыгнули в воду.

– То-ну-у, – прогнусил мэр так жалобно, что Аманда едва сама не утонула от приступа смеха.

– Успокойтесь, – как мог ласково, сказал Дэвид. – Все позади.

Подплыв с боков к барахтающемуся телу, ребята подхватили его под мышки и кое-как выволокли на берег. Неуклюжая туша спасенного чем-то напоминала моржа, выбравшегося на льдину. Бедняга был весь вымазан илом и опутан водорослями, с него ручьями текла вода. Зрелище было до того комичным, что Аманде пришлось убежать и спрятаться за старую оливу, чтобы посмеяться вволю. Дэвид тоже едва сдерживал смех, вежливо осведомляясь о самочувствии бедняги Ишакиса.

– Вы спасли меня, – непрерывно повторял мэр, многократно истово крестясь. – Отважные дети, вы спасли меня!

– Да что вы, – с невинным видом сказал Дэвид. – Мы просто шли к морю... хотелось... м-м... искупаться на зорьке.

– Вы посланы мне самим Богом, – сказал мэр, снимая с усов водоросли. – Да, да, самим Богом!

– А... вас-то что понесло в такую рань?! – спросил Дэвид, чтобы подавить чувство неловкости.

– Да мне жена сказала, что кто-то в поле потравил пшеницу, и я поехал посмотреть. Вот этой глупости мне не следовало делать. Интересно, когда же в последний раз чинили этот чертов мост?! Сколько я просил отремонтировать, а им хоть бы что! – восклицал он, хотя на самом деле он никого ни о чем не просил. – Ну, теперь-то я им покажу!

К счастью, ослику мэра хватило ума выплыть на тот берег, где находилась деревня. Аманда и Дэвид помогли измазанному грязью, промокшему до нитки мэру вскарабкаться на осла и проводили его в деревню.

– Итак, мы установили две вещи, – сказала Аманда по-английски, чтобы мэр ее не понял. – Первое, это то, что ишаки плавают, второе, что мэры слабоваты по сей части.

С этими словами девочка снова залилась звонким смехом.

– Замолчи, – одернул ее Дэвид. – Он же поймет, что ты над ним хохочешь.

К тому времени, когда шествие вступило в деревню, все жители уже встали. Когда мэр, первый человек в деревне, облепленный с ног до головы илом и мокрый как мышь, въезжал на центральную площадь, у всех встречных глаза на лоб лезли от удивления. Немедленно, как по мановению волшебной палочки, сбегалась вся деревня. Народ с несказанным удовольствием глазел на своего мэра, попавшего в такую передрагу, тем более что в деревне давно не случилось ничего чрезвычайного. Разве что три года назад почтенный папаша Никос, напившись, свалился в колодец и был извлечен оттуда ценой колоссальных усилий.

Что касается мэра, то он, как настоящий грек, пытался выйти из ситуации с самым достойным видом. Едва ли ему это удалось. Кое-как сойдя с ослика, он, тяжело вздыхая, заковылял к таверне, где тут же приготовили стул, однако по дороге несколько раз падал в обморок. Изрядная порция рома все же вдохнула в него жизнь, но речь его была совершенно бессвязна, и вся деревня трепетала, силясь понять, что же произошло. Вокруг собралось сотни две слушателей, и все затаили дыхание, боясь пропустить хоть слово. Наконец мэр, отчаянно жестикулируя и крестясь, сумел-таки поведать свою историю. Когда он дошел до сцены спасения, жители просияли радостью. Еще бы! Дети гостей у них в деревне англичан спасли вождя аборигенов! Потом, правда, общественное мнение склонилось к мысли, что не стоило тратить силы на его спасение, но кому это могло прийти в голову в тот чудный миг! Аманда и Дэвид стали героями дня. Каждый рад был облобызать их, поднять в их честь бокал вина или попотчевать храбрецов сладким и липким вареньем, которым так славится деревня Каланеро. Ребята, чувствуя свою вину, выглядели крайне сконфуженно, однако сельчане относили это на счет природной английской скромности.

Больше всех рвался обнимать и целовать своих спасителей, конечно же, сам мэр, который уже успел подсохнуть и изрядно пахивал тиной. Теперь спастись пришлось самим героям... Короче, дети возвращались на виллу под крики «браво», «молодцы» и прочие торжественные возгласы.

Они вернулись как раз вовремя, поскольку отец с матерью уже с аппетитом завтракали. Переодевшись, дети скользнули на свои места, старательно изображая невинность.

– А, это вы, – сказала миссис Зяблик, – а я уже собралась идти вас искать.

– Как я понял, – произнес генерал, не переставая с хрустом поглощать поджаренные хлебцы, – вы сейчас совершили сомнительный подвиг, спасая жизнь нашего мэра.

– Кто тебе это сказал?! – изумленно спросила Аманда.

– Есть такие вещи, – сказал генерал, – как, например, жизненные факты, в которые родители вовсе не обязаны посвящать своих детей. И в источники информации тоже.

– Да нет, ничего там особенного не было, – поспешил вмешаться Дэвид. – Просто мост обвалился, мэр упал в воду, а так как он не умел плавать, мы его вытащили.

– Благородное дело, – продекламировал генерал. – Только стоило ли тратить силы, чтобы вытаскивать такую огромную массу ничтожества?

– Папочка, положить тебе еще мармелад? – пропела Аманда, пытаясь перевести разговор на другую тему.

– Нет, спасибо. – Генерал вынул из кармана трубку и принялся отбивать дробь алюминиевой ногой.

– А может, не надо, Генри? – спросила миссис Зяблик.

– Это рокот барабанов племени ваттуси, когда они проигрывают битву, – сказал генерал. – Я это помню прекрасно. Нас было пятеро. Мы заняли позицию на холме, и они атаковали нас на рассвете. Огромные, здоровые парни, по шести футов каждый, со щитами из шкуры зебры и длинными мощными копьями. Долина просто кишела ими, как муравьями. Мы били их, пока наши пушки не накалились докрасна! Отогнали! Вот там-то я и потерял ногу.

– А не врешь? Может, ты все-таки с лестницы упал? – спросила миссис Зяблик.

– Что у тебя за манера, – возмутился генерал, – вечно портить хорошую историю, вставляя туда правду!

А надо вам сказать, что генерал столько раз терял ногу в самых разных местах при самых фантастических обстоятельствах, что семейство не обращало особого внимания на его истории.

Дэвида волновала одна проблема. Как только дети кончили завтракать и уединились, он тут же поделился с сестрой.

– А что, если ослы начнут реветь? – спросил он.

– Реветь? – переспросила Аманда. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, – сказал тот, – что если ослы, которых мы переправим на Остров Гесперид, поднимут рев, то все сразу обнаружится.

Аманда на секунду задумалась.

– По-моему, нам не о чем беспокоиться, – рассудила она. – Ослы режут, перекликаясь друг с другом. Например, увидел на другом конце долины родственника и орет. Но если все они будут на Острове Гесперид, на Мелиссе никого не останется, кому тогда орать?

– Надеюсь, ты права, – сказал Дэвид. – Теперь пойдем встретимся с Яни и назначим очередной военный совет.

Глава пятая Похищение

Дети собрались у Яни, во дворике маленького побеленного домика, уселись под виноградными лозами и пили лимонад. Простаки был страшно возбужден, потому что его щегол снес яйцо, и мальчик носил теперь его в кармане рубахи, пытаясь вывести птенца. Дети подумали, что такого быть не может, потому что щегол постоянно находился в клетке один и снести яйца никак не мог. Но потом решили не разубеждать беднягу, чтобы не расстраивать.

– Итак, – торжественно начала Аманда, – когда мы приступим?

– Я решил, – сказал Дэвид. – Дождемся полнолуния.

– Но до него еще десять дней! – запротестовала Аманда.

– Ничего не поделаешь, – настаивал Дэвид. – Нам нужна полная луна, чтобы было достаточно света. И мы не будем скучать эти десять дней, потому что нужно переделать еще массу дел. Помните – мы не имеем права на ошибку.

– Согласен с Дэвидом, – сказал Яни. – Это нужно делать именно при полной луне, иначе все может оказаться намного сложнее.

– Будь по-вашему, – неохотно согласилась Аманда, – но что мы будем делать все оставшееся время?

– А вот слушайте, – начал Дэвид. – Во-первых, нам нужно доставить на остров побольше еды для ослов. Сколько времени нам придется их там продержать, невозможно сейчас сказать. На корм берем солому и сено. Сразу много перевезти нельзя: это будет выглядеть подозрительно.

– Я думаю, Простаки мог бы возить туда корм по ночам, – предложил Яни. – Ведь все равно, что бы ему ни взбрело в голову, его никто не воспринимает всерьез.

– Прекрасная мысль, – согласилась Аманда, и Простаки улыбнулся в ответ.

– И наконец, – сказал Дэвид, – нужно выяснить на практике, что мы можем сделать за одну ночь.

План был принят единогласно.

И вот на протяжении десяти дней все четверо аккуратно и незаметно перевозили на Остров Гесперид корм. В конце концов они навезли столько, что даже самым прожорливым ишакам

хватило бы по меньшей мере на неделю. Заговорщики также разработали систему сигналов, похожих на уханье совы. Отыскав самую удобную тропинку из деревни к пляжу, лежащему напротив Острова Гесперид, они прошли ею множество раз и вскоре уже могли с закрытыми глазами узнать на ней каждый поворот и каждый камень. Время от времени они снова и снова обходили деревню, выясняя, всегда ли ослы ночуют в одном и том же месте.

Вот наконец и долгожданное полнолуние. Небесное светило, некогда казавшееся тоненьким полумесяцем, теперь выплывало из-за моря жирным и розовым, кровь с молоком. Наступало время подвига.

– Мама, можно мы останемся на берегу на ночь? – спросила однажды утром Аманда. – Луна светит так ярко, что хочется полюбозаваться и поплавать в ночном море.

– Конечно же, милая, – разрешила миссис Зяблик, – я приготовлю вам еду, положу одеяло и все, что нужно.

– Не беспокойся, – выпалила Аманда. – Я все соберу сама.

– И куда же это вы собрались? – спросил генерал, нанося пурпурные тона на несчастный кипарис, – не то что бы мне было особенно любопытно, но я хотел бы знать, куда прийти на вырубку: вдруг появится акула или еще что-нибудь пострашнее...

– Ну что ты, – откликнулся Дэвид, – мы далеко не пойдём. Будем на пляже напротив Острова Гесперид.

Аманда запаковала достаточно провизии для себя, Дэвида, Яни и Простаки. Чтобы придать своим словам оттенок правдивости, она взяла также пару одеял и – по настоянию матери – еще пару простыней. Наконец в пять часов пополудни дети со всеми припасами отправились на пляж, где их уже поджидали Яни и Простаки. Здесь они разожгли костер из выброшенных на берег сучьев и, поджаривая рыбу, стали дожидаться ночи и восхода луны. Решено было оставить костер зажженным на случай, если вдруг пройдет случайный прохожий: пусть думает, что это просто пикник. К тому же костер может служить ориентиром в темноте. На разработку этой простой идеи Дэвид потратил два дня, исписав бесчисленные листы бумаги мудреными математическими формулами.

Ожидать оказалось очень тяжело, поскольку усталость и напряжение всем давали себя знать. Но вот луна, алая, словно капля крови, поднялась над краем моря и медленно поплыла, меняя свой цвет сначала на бронзовый, потом на золотой и, наконец, на серебряный.

– Ну, – бесстрастно сказал Дэвид, – думаю, пора начинать.

– Да, – согласились союзники.

– Все ли помнят свою задачу? – еще раз спросил Дэвид.

Ребята кивнули. Еще бы, ведь они тренировались целых десять дней.

Решили первым делом угнать ослов у мэра. Во-первых, одержать такую победу особенно лестно, а во-вторых, у него самое большое стадо. Взобравшись на холм, дети прокрались к дому Ишакиса. Ослы и маленький пони стояли в небольшом сарайчике позади дома. Аманда встала на страже позади старой оливы, чтобы в случае чего подать сигнал тревоги, а остальные трое неслышными шагами направились к сараю. Старая дверь была закрыта на мощный деревянный засов, с которым пришлось изрядно повозиться. Засов удалось отодвинуть без малейшего шума, а двери отворить так, чтобы они даже не скрипнули. Затем кое-как вытолкали и связали вместе упирающихся ослов, а последним вывели пони и пристегнули его во главе связки. Когда и ребята и животные оказались в тени олив, Аманда дрожала от волнения.

– Вот это да! Вы таки добыли их! Вот это чудо!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – прервал ее брат. – Теперь вот что: пусть Простаки сядет на пони, отгонит нашу добычу к пляжу, привяжет там и приедет назад.

– Да, кстати, – подумав, сказала Аманда, – пони нам очень пригодится. На нем ведь гораздо быстрее, чем пешком.

– Ты права, – подтвердил Яни. – Я думаю, и ослики резвее побегут за пони.

Простаки погнался за ослами к пляжу, а ребята остались ждать его возвращения.

Пока они ждали, Яни подкрался к дому мэра и прикрепил к двери большой плакат, написанный неровными греческими буквами:

ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

– Ну, теперь пусть поломают голову, – хихикали между собой заговорщики.

Простаки прикатил назад неожиданно скоро, и операция продолжалась. Чаще всего похищение удавалось неожиданно легко – если ослик был просто привязан на ночь к дереву. Тогда оставалось только отвязать его и увести.

Посложнее обстояло дело с ишаками Филимона Страхиса, поскольку он был первым трусом на деревне. Каких только предосторожностей не придумывал Страхис, чтобы оградить себя и свою живность от бесчисленных напастей, которые мерещились ему повсюду. Поэтому два его ишака закрывались на ночь в сарай, на дверь которого навешивался старинный амбарный замок. Изучив его, Аманда и Дэвид пришли к выводу, что его можно открыть с помощью отвертки, но с этим придется повозиться. Теперь уже Яни встал на страже, а Дэвид и Аманда принялись орудовать отверткой. Когда оставался последний винт, отвертка неожиданно выскользнула из вспотевших рук Дэвида. Она с таким звоном ударилась о стоявшее внизу перевернутое ведро, что дети оцепенели от неожиданности и у них перехватило дыхание. В ночной тишине этот звук произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Внутри домика послышались скрип и бормотание.

– Быстрее, выводим ослов, – прошептал Дэвид. Но в этот момент Яни увидел Филимона Страхиса с керосиновой лампой и двустволкой.

– К-кто з-здесь? – прошептал хозяин дрожащим голосом. – Н-ни с места, а то ст-ст-стреляю!

Яни знал, что его противник – такой же меткий стрелок, как и отважный храбрец, но ему было не до смеха. Мальчик издал из своего укрытия пару душераздирающих стонов и произнес глухим, скрипучим голосом:

– Я вур-да-лак, Стра-хис. Я при-шел вы-пить тво-ю кровь и за-брать твою ду-у-у-шуууууу...

Страхис, всю жизнь печенкой чуявший, что однажды с ним непременно случится что-то кошмарное, уронил лампу и отскочил.

– Святой Поликарп, сп-сп-сп-аси меня! – заскулил он. – Боже, сжался надо мной!

– Не по-мо-жет, – гудел Яни, жутко стуча зубами. – Я при-шел за-брать твою ду-у-у-шууууу!...

В это время Аманда и Дэвид уже тащили из сарая ишаков. Это оказалось нелегким делом, так как натрудившиеся за день животные вовсе не горели желанием покидать уютное теплое стойло. Однако Яни, бегая вокруг дома, так блестяще играл вурдалака, а Страхис так молил о помощи всех святых, какие только есть в календаре, что легкий шум, производимый ребятами в сарае, был вовсе не заметен. Как только Яни увидел, что его сообщники с добычей скрылись за оливами, он издал пару прощальных вздохов и нырнул в темноту. Бедняга Страхис не мог поверить, что его оставили в покое.

К тому времени, когда восточный горизонт начал светлеть бледно-зеленым, на пляже были собраны почти все ишаки деревни. Не было лишь четырех, принадлежащих папаше Никосу, поскольку к стойлу, где он их держал, подобраться было практически невозможно. Но Яни заявил с таинственным видом, что нашел способ их заполнить.

– Ну, мы творим чудеса, – потирала руки Аманда, с удовлетворением глядя на стадо из четырнадцати грустных ишаков и одного пони.

– Погоди радоваться, мы еще не закончили, – заметил Дэвид.

– Слушайте, давайте сначала переправим все это стадо на Остров Гесперид, а потом уж решим, как быть с ишаками папаши Никоса, – предложила Аманда.

– Правильно, – сказал Яни. – Так и надо сделать.

Выходить на ночную прогулку неохота было всем ишакам. Но когда они поняли, что их хотят загнать в воду и заставить плыть, тут уж начался всеобщий бунт. Ишаки лягались и упрямились, а один даже отвязался и что есть мочи носился по пляжу, пока перепуганные дети не поймали его и не привязали ко всем остальным. Бедняжкам так не хотелось переходить к водным процедурам, что операция по переправе стада на остров заняла более часа. Оказавшись на суше, ослы недовольно отряхивались и глубоко вздыхали, выражая свое раздражение. Ребята заботливо отвели их на террасу, привязали и положили перед каждым изрядную охапку сена, что-

бы отвлечь от неприятных ощущений. Затем переплыли назад на Мелиссу.

– Значит, так, – прошептал Яни, когда дети укрылись в зарослях бамбука, примыкавших к полю, – эта земля принадлежит папаше Никосу. Ослов он обычно привязывает к фиговому дереву. Когда он появится, я выйду из засады и подниму шум.

– Какой шум? – не поняла Аманда.

– А вот увидите, – сказал Яни и таинственно улыбнулся Аманде. – Я совершенно уверен, что это отвлечет их внимание от ослов, но и вы не зевайте – я не смогу задержать их надолго.

– Мы оценили, как ты отвлек внимание Страхиса, – захихикала Аманда.

– Подумаешь! – махнул рукой Яни. – С этим-то было справиться легко. А вот папаша Никос – крепкий орешек и с ним придется повозиться.

Дети терпеливо ждали, и как только взошло солнце, папаша Никос с семьей появились в поле. К счастью похитителей, папаша Никос привел с собою всех четверых ослов. Весело болтая, отец семейства, его супруга и два сына спустились с холма, привязали ослов к фиговому дереву и, достав мотыги, принялись за работу.

– Пора, – сказал Яни.

К удивлению Аманды, Яни достал из кармана перочинный нож и, прежде чем ребята что-нибудь поняли, сделал у себя на ступне два надреза, так что между пальцами ноги потекла кровь.

– Что ты делаешь?! – с ужасом спросила Аманда. Тот прикусил губу, но все же улыбнулся девочке.

– Надо, чтобы все выглядело реалистично, – сказал он, – иначе папашу Никоса не одурачишь. Ну, отвязывайте ослов и переправляйте их на Остров Гесперид, а затем возвращайтесь в деревню. Я буду там.

Он спрятал нож и скрылся в зарослях.

– Интересно, чего это он?! – спросил Дэвид.

Аманда пожала плечами.

– Мне самой интересно, – сказала она, – но он умница, так что пусть действует, как считает нужным. Ну, теперь скорее к дереву!

Они проползли вокруг поля и спрятались за кустами возле фигового дерева. Вдруг они с изумлением и тревогой увидели, как Яни вышел из бамбука навстречу папаше Никосу и его семье. Мало того, он пожелал папаше Никосу доброго утра, на что тот вежливо ответил. Потом Яни тактично поинтересовался насчет урожая и вдруг повалился на землю с таким протяжным криком, что Аманда даже подпрыгнула на месте.

– Змея! Змея! – вопил он. – Меня укусила змея!

Папаша Никос и его домочадцы тут же побросали мотыги и бросились туда, где Яни катался по траве, как будто его и в самом деле укусила змея. Члены семейства собрались вокруг мальчика, подняли ему голову и осмотрели рану, наперебой предлагая множество средств, помогающих от укуса змей. Крики Яни были столь душераздирающи, что папаше Никосу и всем остальным пришлось перекрикиваться, чтобы понять друг друга. Какофония послужила отличным прикрытием для шума, с которым Аманда, Дэвид и Простаки отвязывали и угоняли ослов.

– Утюгом прижечь, – промычал папаша Никос, – и все пройдет.

– Нет, нет, – воскликнула мамаша Никос, – чеснок с оливковым маслом. Моя мама всегда так делала.

– Умираю!!! – вопил Яни. Сквозь полузакрытые веки он увидел, что осликов успешно увели, и кричал скорее оттого, что вошел в роль.

– Нет, нет, золотко, – гудел папаша Никос, – мы тебе умереть не дадим. Сейчас отнесем те-

бя в деревню, прижжем раскаленным утюжком, и все пройдет.

– Никаких утюгов! Только чеснок с маслом! – визжала мамаша Никос.

– Замолчи, – возмутился отец семейства. – Кто из нас лучше разбирается, я или ты?

– Умираю, – жалобно простонал Яни, как будто и в самом деле готовился проститься с жизнью.

– Дайте ему глоток вина, – распорядился папаша Никое. – Бутылка под деревом, где привязаны ослы.

Все члены семьи Никое были до того встревожены и напуганы, что один из двух сыновей, который помчался за бутылкой, не заметил даже, что ослов под фиговым деревом уже нет. Яни вопил и стучал зубами так правдоподобно и самозабвенно, что пришлось раскрывать ему рот, чтобы влить туда вина.

– Я погиб, – продолжал стенать Яни, – я погиб.

– Что ты, что ты, родненький, – мычал папаша Никое. – Сейчас отвезем тебя в деревню, все будет хорошо. Приведите сюда одного из ослов.

Сыновья папаши Никоса побежали к фиговому дереву, и, когда обнаружили, что ослы исчезли, у них перехватило дыхание.

– Папа, – сказали они, вернувшись назад, – ослов там нет.

Лицо папаши Никоса побагровело от гнева.

– Растяпа! – рывкнул он на жену, которая, по его мнению, и была причиной неприятности. – Не могла привязать их как следует.

– Сам растяпа! – оскорбилась мамаша Никос. – Я-то привязала их накрепко!

– Привязала бы накрепко, они бы не исчезли, – сердился папаша Никос.

– Умираю, – жаловался Яни.

– Сперва отнесем его в деревню, а потом вернемся за ослами, – решил отец семейства. – Они не могли далеко уйти.

– Я умер, – заявил Яни. – Поздно нести меня в деревню.

– Нет, нет, малыш, – папаша Никос ласково погладил парнишку, – мы не дадим тебе умереть.

Все четверо подняли Яни и понесли в деревню, кряхтя от тяжести. На каждом шагу Яни уверял их, что лучше бы положить его под оливой и оставить умереть, так как надежды на спасение уже нет.

Наконец, совершенно измученные, они достигли главной площади деревни, жители которой еще только начали просыпаться. В таверне быстро сдвинули два стола и положили на них Яни. Вскоре здесь собралась почти вся деревня. Даже папаша Йорго (которому, как вы помните, перевалило за сто) приплелся, чтобы дать совет, который был с благоговением выслушан остальными жителями, – еще бы, ведь старейший житель деревни должен понимать толк в змеях больше, чем кто-либо еще! И тут же все заговорили одновременно. Каждый предлагал свое средство, и сцена разыгралась настолько бурная, что Яни с огромным трудом сдерживал смех. После того как его рана была смазана семнадцатью самыми разными снадобьями и перевязана грязнейшей тряпкой, мальчика отнесли к нему домой и положили на постель. Затем тщательно затворили ставни и дверь – ведь, как известно, ничто не вредит больному больше, чем свежий воздух, – и отправились по домам, продолжая спорить по дороге. Яни лежал на своей постели в затененной комнате и смеялся так, что из глаз его потоками лились самые непритворные слезы.

Глава шестая Паника

Никогда еще деревня Каланеро не знала такого дня, как нынешний. Сельчане возвращались восвояси, по-прежнему обсуждая укусы змеи, едва не погубивший Яни. Они уже собрались было расходиться, как вдруг по деревне пробежал Филимон Страхис с лицом бледным, как оконная замазка.

– Все-е-е сюда! Все-е-е сюда! – драматично орал он. – Нечи-и-и-стая сила! Нечи-и-и-стая сила!

Рухнув на один из столов в таверне, он принялся театрально стенать:

– Не-чи-ста-я! Не-чи-ста-я!

Эти слова возбудили интерес жителей, как ничто другое. Даже папаша Йорго (которому, как вы помните, перевалило за сто) и тот выпил пару стаканов вина, чтобы вникнуть в события. Сельчане сгрудились вокруг рыдающего Страхиса.

– Так скажи нам, Филимон Страхис, – просили он, – о какой нечистой силе ты ведешь речь?

Страхис поднял мокрое от слез лицо.

– Пройшей ночью, – сказал он, захлебываясь от рыданий, – я услышал у себя во дворе шум. Как вы знаете, я человек исключительной смелости...

Сельчане были настолько захвачены рассказом Страхиса, что не отреагировали на эти слова взрывом хохота, как это случилось бы в обычных условиях.

– Я взял двустволку и лампу, – продолжил Страхис, вытирая нос рукавом, – и вышел в ночную тьму.

Сельчане дружно принялись вздыхать и креститься.

– Вдруг, – продолжил Страхис, – кто-то выскочил из-за дерева.

– Кто же это был, Филимон? – спросил дрожащим голосом папаша Йорго.

Голос Страхиса перешел в дрожащий лепет.

– Это был вурдалак, – трагически прошептал он.

По толпе, окружавшей Страхиса, пронесся приглушенный вздох. Как же: Страхис видел самого вурдалака!

– Как он выглядел? – стали спрашивать все наперебой.

– Он выглядел, – запнулся Страхис, напрягая воображение, – как... Ну, как козел с телом человека, песьей головой и двумя огромными рогами. И с чудовищным хвостом с вилами на конце. И еще он жутко рычал, как собака.

– Вот-вот, – согласился папаша Йорго, кивая головой, – именно так он и выглядит. Я помню, мой дядюшка по маминой линии вот таким его и видел. И описывал его точно так.

– Он сказал: «Страхис, я пришел забрать твою душу», – продолжал бедняга.

По толпе снова пронесся вздох.

– К счастью, за меня как за набожного человека вступился наш святой покровитель, так что я знал, что вурдалак не причинит мне зла.

– Слушай, – спросил Петра, слышавший отъявленным деревенским циником, – а не перебрал ли ты винца на ночь, Филимон?

Филимон отреагировал с достоинством.

– Нет, я не был пьян, – холодно сказал он. – И я еще не все сказал.

– Как, еще не все?! – Слушатели едва сохраняли самообладание. Ведь и то, что он уже рассказал, было одним из самых волнующих событий, когда-либо случившихся в Каланеро!

– Дальше! Что было дальше?! – торопили они, ожидая продолжения.

– Утром, – сказал Страхис, – когда я пошел в сарай, чтобы вывести ослов, я обнаружил, что мой старый верный замок, который служил верой и правдой еще моему отцу, вывинчен чьей-то

колдовской рукой, а ослы исчезли.

– Исчезли? – замерли сельчане.

– Исчезли! – сказал Страхис. – Теперь я совсем нищий!

Он снова зарыдал и застучал кулаками по столу.

– Вурдалак разорил меня-а-а! – вопил он. – Наш добрый святой не позволил ему взять мою душу, так он увел у меня ишако-о-ов!

– А может, они просто ушли в оливковую рощу! – спросил Петра.

– Вы думаете, я не искал? – возопил Страхис. – Все обыскал, они исчезли без следа-а-а!

Сельчане молча переглянулись. Что за день такой – то змея укусила ребенка, теперь вот это! Наконец они смекнули, что неплохо бы посмотреть, на месте ли их собственные ишаки. Толпа рассеялась... и уже через каких-нибудь полчаса снова собралась на главной площади, оглашая ее криками гнева и отчаяния. Все наперебой пытались рассказывать, что у них пропали ишаки.

– Явно не обошлось без колдовства, – догадался папаша Йорго. – Надо обратиться за помощью к церкви. Пойдите-ка разбудите отца Никодима!

Отец Никодим никогда не вставал раньше полудня и вообще вел безмятежное существование. Семьдесят пять лет прослужил он верой и правдой греческой православной церкви тем, что причесывал бороду и тянул ром. А теперь его в такую рань тащили из постели и заставляли давать духовные наставления прихожанам! Но сельчанам удалось-таки поднять его с постели и влить в него стакан доброго вина.

– И какую же службу мы будем отправлять? – спросил папаша Йорго.

– Изгнание злых духов, – раздался голос из толпы.

– Из кого же изгонять злых духов? Ведь ослы-то исчезли, – спросил говорившего папаша Йорго.

– Но можно изгнать злых духов из всех тех мест, где стояли наши ишаки, – предложила мамаша Агати, – тогда, может быть, вурдалак смилостивится и вернет ослов назад.

Отец Никодим чувствовал некоторое противоречие в логике мамы Агати, ибо непонятно было, чего она хочет – изгнать злого духа или умилостивить, но не знал, как ей это объяснить. Подумав немного, он признался прихожанам, что не очень себе представляет, как нужно изгонять злых духов.

– Так вы священник или недоучка?! – вскипел папаша Никос, вернувшийся после безуспешных поисков своих пропавших ослов, – кто, как не вы, должен уметь изгонять злых духов!

– Мне кажется, – сильно лукавя, сказал отец Никодим, – что это у меня где-то записано.

Он заковылял домой и вернулся с двумя впечатляющими листами бумаги. На одном были записаны проповеди, которые он читал по праздникам, на другом – список подношений, которые он хотел бы получить от мелисситов; но тем, очевидно, было все равно, что именно он бубнит.

Никогда за время своей духовной карьеры он так не уставал. Битых два часа он со свечой и кадиллом изгонял злых духов из каждого стойла, от каждого дерева, куда привязывали ишаков. Когда же добрались до дома мэра, стало ясно, что тот еще не в курсе катастрофы, обрушившейся на деревню. Выслушав новость, мэр бросился к сарайчику и тоже обнаружил пропажу. Отец Никодим всю орудовал кадиллом, когда мэр увидел на стене плакат:

– Коммунисты, – выдохнул мэр Ишакис, побледнев как полотно, – кто же еще?! – Он сорвал плакат и дрожащим голосом прочитал его односельчанам.

– Нужно немедленно собрать совет, – сказал он. Совет старейшин под председательством мэра собрался на главной площади деревни. Явились все жители Каланеро – каждый хотел послушать, что скажут авторитетнейшие жители деревни, и, возможно, тоже дать совет.

– Я уверен, не обошлось без колдовства, – сказал папаша Никос. – Слышал, что нечто похожее произошло много лет назад в Кефалонии.

– Не говори глупостей, – возразил мэр и сунул ему плакат под самый нос. – Явно дело рук коммунистов. Кто еще призывал бы ишаков соединиться? Тем более что, скорее всего, вурдалак не обучен грамоте.

– Именно, именно так, – сказал отец Никодим, который понял, что если не удастся разуверить сельчан в существовании злого колдовства, то жизнь его ожидает ой как нелегкая.

– Что ж, – согласился папаша Йорго, – если вурдалаки не смыслят в грамоте, значит, остаются коммунисты.

– Но зачем им это понадобилось? – жалобно возопил мэр. – Зачем им наши ослы?!

Некоторое время все сидели в тишине, раздумывая над этой проблемой.

– Заговор, – внезапно произнес папаша Никос – Явный заговор с целью подрыва сельского хозяйства нашей деревни.

– Почему вы так думаете?! – парировал папаша Йорго. – Без ослов нам не собрать урожай – и мы разорены. Типичный коммунистический заговор!

– По-моему, он прав, – согласился отец Никодим.

– Возможно, – с сомнением сказал мэр. – Очень даже возможно.

– А вдруг не только в нашей деревне? – сказал папаша Йорго. – Вдруг они это проделали во всех деревнях Мелиссы, чтобы подорвать экономику острова? Это же факт – коммунисты любят наносить удары из-за угла.

Мысль о том, что коммунисты могли увести ослов со всей Мелиссы, потрясла даже мэра.

– Так что же нам делать? – спросил папаша Никос.

– Что же нам делать? Что же нам делать! – загалдели все сельчане.

Мэр беспомощно огляделся вокруг. Никогда за время его службы он не сталкивался с такой проблемой.

– Вы кто, мэр или недоучка?! – напирал на него папаша Никос. – Ну придумайте же что-нибудь!

Мэр знал, что никогда не пользовался у односельчан особой популярностью и что на эту должность он был избран только благодаря тому, что все члены совета ходили у него в должниках. При виде охваченных паникой жителей он вспотел так, как не потел никогда за всю свою жизнь.

– Где, – осенило его наконец, – Менелус Простафили?

– Спит, – ответил папаша Никос, удивленный самим вопросом.

– Ну что ж, отправляйтесь за ним, – сказал мэр. – Тут явно пахнет уголовным делом.

Вскоре грозный страж закона, застегивавший на себе пуговицы мундира и с трудом отгонявший сон, был приведен на площадь. С помощью четырех членов совета и двухсот присутствовавших сельчан мэру удалось изложить ему суть происшедшего.

– Что вы намерены предпринять, господин мэр? – спросил он.

– Слушай ты, лунатик, – побагровел мэр, – кто ты такой, в конце концов, страж закона или тряпка?! Как ты думаешь, зачем тебя подняли с постели? Чтобы ты что-то предпринял!

Бедняга полисмен почесал голову. Ему ни разу в жизни не доводилось никого арестовывать, и оттого он не получил ни одного продвижения по службе. И то сказать, Каланеро никогда не отличалась высоким уровнем преступности. Теперь, перед фактом злодейского преступления, Менелус Простафили чувствовал себя столь же беспомощным, как и мэр.

– По-моему, – сказал он наконец, – нам следует дать телеграмму в Афины.

– Осел! – прорычал папаша Никос. – Чем, по-твоему, Афины смогут помочь?

– Будет вернее, – сказал мэр, – если мы рапортуем о случившемся начальнику полиции Мелиссы. У кого еще встретишь столь пронизательный ум, как у Прометеуса Стервозиса.

– Правильно, – подтвердил папаша Никос, – полностью согласен. Полагаю, что довести ситуацию до его сведения следует Менелосу Простафили, как представителю закона в нашей деревне, и вам, как нашему мэру.

– Вот именно, – сказал мэр с чопорной самодовольной улыбкой.

– А на чем же мы туда поедем? – воскликнул Простафили. – Ослов-то нет!

Улыбка мгновенно испарилась с лица мэра.

– В таком случае, – поспешно сказал он, – я предлагаю, чтобы Менелус Простафили отпра-

вился туда пешком и затем доложил нам о результатах.

– Э нет, – хмуро сказал папаша Никос, – по-моему, вам обоим следует отправиться туда пешком и потом доложить о результатах.

– Точно, точно, – загалдели сельчане, – вот самое мудрое решение!

Бедняге мэру, загнанному в угол, ничего не оставалось, как надеть свой лучший выходной костюм, а Менелусу Простафили – до блеска начистить краги, и вот наши доблестные герои выступили в поход на поселок Мелиссу.

Путь предстоял в добрые десять миль по петляющей дороге, то взбирающейся на холмы, то сбегаящей вниз. Солнце палило, как доменная печь, и с каждым шагом наши отважные путешественники становились все более мокрыми, и все больший слой белой, как пудра, дорожной пыли оседал у них на лицах. Вот когда у них появился повод всерьез задуматься о пользе ишаков. Наконец показались окраины поселка Мелиссы, и наши герои, полумертвые от изнурительного марша, ринулись в ближайшую таверну подкрепиться изрядными дозами вина. Только после этого они направились в центральный полицейский участок, где находился кабинет инспектора Прометеуса Стервозиса.

Инспектор Стервозис ревностно относился к службе. Он был крайне честлюбив, и ему досаждало, что преступность на Мелиссе находилась на таком низком уровне. Он спал и видел себя сыщиком, раскрывшим такое запутанное дело, что о нем заговорили в Афинах и, конечно, быстро продвинули по службе. К сожалению, в Афинах вообще едва ли слышали о его существовании.

Одним из его самых драгоценных сокровищ была книга в алом сафьяновом переплете, о похождениях Шерлока Холмса, подаренная в прошлом году генерал-майором Зябликом. Инспектор скрупулезно изучал ее, пока не решил, что знает методы корифея наизусть.

Он был долговязым, с длинным подбородком, синим, как начищенный ствол ружья, и длинным носом, являвшимся, по его мнению, символом его профессии. Когда ему доложили, что прибыли мэр Ишакис и Менелус Простафили, просят у него аудиенции и находятся в крайне жалком состоянии, он изумился: кому, как не ему, было знать, что Каланеро – одна из самых законопослушных деревень на острове. Интересно, что от него могло понадобиться! Двое посетителей, мокрые и взволнованные, ворвались в кабинет главного инспектора, где Прометеус Стервозис в безупречно чистом мундире сидел за дубовым столом, стараясь как можно больше походить на своего кумира Шерлока Холмса. Стервозис встал и поклонился вошедшим.

– Приветствую вас, мэр Ишакис и Менелус Простафили, – сказал он. – Пожалуйста, садитесь.

Вздыхая, мэр Ишакис и Менелус Простафили сели в кресла.

– Похоже, – продолжал Инспектор, осмотрев гостей пытливым взглядом, – вы шли сюда пешком?

– Именно так, – подтвердил мэр, вытирая пот со лба. – Никогда не думал, что до вас так далеко.

Инспектор на мгновение задумался.

– Что ж вы не сели на ослов? – подивился он.

– Вот это и есть причина нашего к вам визита, – ответил мэр. – У нас нет больше ослов.

Главный инспектор нахмурил брови.

– То есть... как это нет? – сурово спросил он. – Последний раз, когда я посетил Каланеро, там было полно ослов, и, если мне память не изменяет, вы сами владеете пятью.

– О том и речь, – промямлил мэр, – ослов не осталось ни у кого. Их всех забрали коммунисты.

Инспектор был потрясен.

– Что з-за чушь?! – недоверчиво проговорил он. – Какие еще коммунисты?!

– Прошлой ночью, – объяснил мэр, – несколько коммунистов самым подлым образом проникли в нашу деревню и похитили всех ослов, а заодно и моего маленького пони.

– Господин Ишакис, – потерял терпение инспектор, – вы что, не в себе?

– Нет-нет, – вмешался Менелус Простафили, – он говорит чистейшую правду, господин инспектор. Все ослы и его маленький пони исчезли.

Инспектор достал длинную изогнутую трубку и задумчиво вставил ее между зубов.

– Ну и зачем же, по-вашему, – с иронией спросил он, – коммунистам могли понадобиться

ослы?

– Это за-го-вор! – на одном дыхании выпалил мэр. – Заговор с целью подрыва сельского хозяйства Каланеро. По-моему, это только начало колоссальной диверсии, имеющей целью подрыв сельского хозяйства на всем острове Мелисса.

Сказанное явно произвело впечатление на инспектора.

– Может быть, вы и правы, – сказал он. – Но почему вы уверены, что это именно коммунисты?

– Прочтите, – драматически сказал мэр и развернул перед инспектором плакат:

**ИШАКИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

– Вот это да! – обрадовался инспектор. – Вот это улика!

Он достал огромную лупу и изучил плакат вдоль и поперек.

– Вы правы, – заключил он. – Это, без сомнения, работа коммунистов.

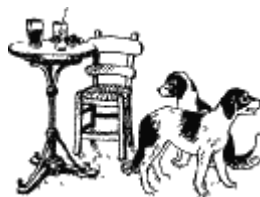
– Так что же вы предлагаете? – суетился мэр. – Если мы не найдем ослов, вся деревня разорена!

– Не нервничайте, многоуважаемый мэр, – важно сказал инспектор, – я займусь этим делом сам.

Он позвал клерка и передал приказ поднять трех полицейских и подать единственную на всей Мелиссе полицейскую машину – выдавший виды латаный-перелатаный «форд», на котором инспектор объезжал принадлежащие ему виноградники. Затем Стервозис придвинул к себе телефон, снял трубку и набрал номер. Глаза его сузились, как у детектива, скрупулезно исследующего каждый дюйм местности, где произошло преступление.

– Алло, Грегориус? – сказал он в трубку. – Прометеус на проводе. Слушай, Грегориус, помнишь, ты предлагал мне двух превосходных охотничьих собак? Как они берут след? Хорошо, а след ишака они могут взять? Да-да, ишака. Нет, я серьезно. Я пытаюсь раскрыть преступление. Так ты думаешь, смогут? Тогда ты мне одолжишь их, а? Спасибо огромное! Я сейчас же за ними подъеду.

Вскоре мэр, Простафили, инспектор, трое полицейских и две пестрые собаки, набившись в полицейскую машину, тряслись по дороге в Каланеро, где, как предполагал инспектор, его ждал звездный час.

**Глава седьмая
Силы закона**

Дети, конечно, понимали, что исчезновение ишаков вызовет в деревне беспрецедентный скандал, и смеялись в кулак, глядя на реакцию сельчан. Но им и в голову не могло прийти, какие

силы могли быть вызваны для расследования. Когда они увидели, что мэр Ишакис и Менелус Простафили отправились в невиданный пеший поход в Мелиссу к начальнику полиции, они поняли, что дело может принять опасный для них оборот.

– Как ты думаешь, что теперь будет? – переживал Дэвид. – Если они приведут сюда всех полицейских, которые есть на Мелиссе, они найдут ишаков рано или поздно.

– Да что ты, инспектор не видит дальше собственного носа, – успокаивала брата Аманда. Но и она явно была обеспокоена новостями, хотя никогда не призналась бы в этом.

– Может, сплаваем на Остров Гесперид и покормим ослов? – предложил Яни.

– Не надо, – сказала Аманда. – Нам нельзя там показываться, потому что если они обнаружат ослов, то поймут, кто их туда загнал.

– Точно, – сказал Яни. – Я об этом не подумал.

– Мы запасли им целую кучу еды, – продолжила Аманда. – Вечером поплывем туда и покормим их.

– Как ты думаешь, что инспектор скажет мэру? – размышлял Дэвид.

– Думаю, он сам сюда заявится, – беззаботно сказала Аманда.

– Что? – потрясенно сказал Яни. – *Сам?!*

– Меня это не удивит, – сказала Аманда. – Он из кожи лезет вон, корча из себя великого детектива, и наверняка не упустит возможность проявить себя.

– Значит, так, – сказал Дэвид, – будем тщательно следить за развитием событий и, если нас заподозрят, прикроем друг друга надежным алиби.

– Да уж, наверное, инспектор сам сюда заявится, – переживал Яни. – А где он возьмет более тяжкое преступление, чтобы выслужиться?

Тут Простаки неожиданно разревелся. Аманда обняла его за плечи.

– Да что ты, милый, – заговорила она. – Инспектор не причинит тебе вреда. Если даже он и откроет, что это сделали мы, мы не выдадим, что и ты с нами был.

Но, подавив слезы, Простаки объяснил, что он разрыдался не из страха перед арестом, а оттого, что раздавил у себя в кармане яичко, которое так тщательно оберегал.

– Пойдемте в холмы. Оттуда лучше просматривается дорога, и мы увидим, как они вернутся назад, – предложил Дэвид. – Они скорее всего возьмут такси.

Поднявшись на холм, Яни забрался на ту самую оливу, на которой он ожидал появления семейства Зябликов, а остальные залегли в ее тени. Время тянулось мучительно долго, но наконец Яни закричал:

– Едут! Едут! Я вижу облачко пыли.

Он спустился с оливы, и дети со всех ног помчались на центральную площадь деревни.

– Мэр едет! Мэр едет! – кричала Аманда, и центральная площадь наполнялась обитателями Каланеро.

Взвизгнув тормозами, машина остановилась. Набившаяся в ней пестрая компания высыпала на центральную площадь.

– Итак, – сказал инспектор, – мне необходимо удобное место для допроса свидетелей.

В таверне тотчас же сдвинули два стола и накрыли белоснежной скатертью. Инспектор занял место и вытянул из дипломата хитроумные средства для раскрытия преступлений, которые явно произвели впечатление на сельчан. Здесь были большая лупа, чернильный прибор для снятия отпечатков пальцев, фотоаппарат для съемки улики и, что самое главное, с полдюжины наручников. В это время трое полицейских привязывали собак. Сделав это, они устроились в тени и приготовились слушать инспектора, пока жители деревни угощали их напитками.

– Итак, – сказал инспектор, – приступим к допросу свидетелей.

– Но свидетелей-то нет, – указал мэр, – никто не видел, как это произошло.

– Ну, а вот этот господин Страхис, – сказал инспектор, – разве он не говорил вам, что кого-то видел?

– Он говорил, что видел вурдалака, – запротестовал папаша Йорго, – а это совсем другое дело.

Инспектор наклонился и уставил на папашу Йорго пронзающий взгляд.

– А не могло ли быть так, – спросил он, – что на самом деле это был КОММУНИСТ, ПЕРЕОДЕТЫЙ ВУРДАЛАКОМ?!

По толпе пронесся гул восторга. Вот это догадка! Вот что значит талант детектива! Как они

сами не подумали об этом раньше? В ответ инспектор улыбнулся едва заметной улыбкой, словно желая показать, что от него-то ничего не скроется.

– Так вам самим это не приходило в голову! – с удовлетворением продолжал инспектор. – Жаль, жаль. А ну-ка позвать сюда Страхиса!

Страхиса вытолкали из толпы к столу инспектора, и он встал, бледный, дрожа перед могуществом силы закона.

– Итак, – сказал инспектор, – рассказывайте без утайки, как все произошло.

– Ночью он услышал шум... – начал папаша Йорго.

– Будьте любезны не перебивать, – сказал инспектор, подняв руку, – я желаю, чтобы свидетель рассказал все сам.

– Поздно ночью я услышал шум, – начал бедняга дрожащим голосом, – и, как истинный храбрец, взял двустволку и лампу и поспешил взглянуть, что происходит.

– Что это была за двустволка?

– Двенадцатого калибра.

Инспектор с удовлетворенным видом тщательно занес данные о двустволке в свой блокнот.

– В нашем деле, – сказал он, – представляется важным не упустить ни одного факта. Особенно при раскрытии такого преступления, как это. Опыт показывает, что ружье может оказаться важной уликой. Продолжайте.

– Я закричал: «Кто здесь? Ни с места, иначе я изрешечу тебя».

– Вот это было бы в высшей степени неразумно с вашей стороны, – строго сказал инспектор, – ибо я имел бы основание арестовать вас по обвинению в убийстве. Продолжайте.

– Из-за дерева, – продолжал несчастный Страхис, – выскочило нечто с огромными рогами, чудовищным хвостом и копытами, как у козла.

– Так вы говорите, с копытами? – допрашивал инспектор.

– Да, – подтвердил Страхис, – с мощными копытами.

Инспектор записал и это.

– Дальше что? – продолжил он.

– Дальше оно произнесло: «Страхис, я пришел, чтобы выпить твою кровь и забрать твою душу», – сказал Страхис, истово крестясь.

– И как же вы ответили на это? – спросил инспектор.

– Святой Поликарп уберег меня от вурдалака, – сказал Страхис.

– Прекрасно, – сказал инспектор. Он откинулся назад, достал свою кривую трубку и взял в зубы. – Да, это был блестящий маскарад, – заключил он, – в противном случае вы СРАЗУ РАСПОЗНАЛИ БЫ, ЧТО ЭТО КОММУНИСТ. Не так ли?

– Конечно, – сказал Страхис, – в моей семье коммуниста за милую душу.

– Значит, так, – сказал инспектор, – первым делом нам необходимо осмотреть место, где все произошло.

Он взял свою знаменитую лупу и зашагал к дому Страхиса. За ним последовали потрясенные жители Каланеро.

Дети были зачарованы тем, как он вел дело. Впрочем, Аманда с трудом сдерживала смех. Когда инспектор пришел к дому Страхиса, он снова взял в зубы трубку и на глазах у всей деревни обследовал местность, исполненный величия в каждом своем движении.

– Где точно, – спросил он Страхиса, – вы его видели?...

– Именно здесь! – показал Страхис на участок между оливами, на котором собралось человек полтора сельчан.

– Ослы!!! – проревел инспектор. – Быстро назад! Вы же стоите прямо на уликах!

Объятые страхом сельчане отступили, и инспектор, ползая на коленях, осмотрел в лупу участок между оливами, периодически что-то бормоча. Потрясенные сельчане шепотом восторгались, как блестяще знает инспектор свое дело, как прекрасно он начал расследование. Были совершенно уверены, что если кто может вернуть ослов, так только он. Вдруг инспектор встал с колен и стряхнул пыль со своих брюк.

– Следов нет, – с удовлетворением сказал он и сделал запись в своем блокноте.

– Откуда там быть следам? – прошептал Дэвид Аманда. – Земля твердая, как кость.

– Эх, знали бы, – захихикала Аманда, – мы бы ему там так наследили!

Инспектор вернулся на центральную площадь и снова занял свое место за столом.

– Итак, – сказал он, – дело во многих аспектах выглядит любопытным. Весьма любопытным. Впрочем, я уверяю вас, что камня на камне не оставлю, но поймаю этих коммунистов и верну вам ослов. Я, Прометеус Стервозис, клянусь вам честью.

По толпе сельчан прокатился гул одобрения.

– Как видите, я привел с собою, – продолжил инспектор, гордо показывая на двух облезлых дворняг под столом, – двух великолепных ищеек. Тем не менее я просил бы вызваться шестерых добровольцев в помощь мне и моим людям, на случай, если разбойники окажут сопротивление или если их, не дай Бог, окажется больше, чем нас.

На призыв сразу выступили шестеро молодых парней. Вообще-то в добровольцах не было недостатка, а точнее, каждый хотел стать добровольцем. Но инспектор взял этих шестерых. Они были горды и счастливы, потому что каждый знал: теперь всякий раз, когда он пройдет по деревне, все будут восхищенно говорить: «Знаешь его? Он поймал коммуниста, который увел у нас осла».

– Итак, – сказал инспектор, – первое, что нам требуется, – это чтобы собаки взяли след. Господин мэр, не будете ли вы столь любезны дать нашим собакам понюхать штаны, в которых вы обычно садитесь на осла?

Мэр Ишакис тут же послал домой своего младшего сына, и вскоре тот вернулся, неся в руках холщовые штаны. Инспектор помахал ими перед носом у псов, от чего те вдруг радостно завиляли хвостами и часто-часто задышали от восторга.

– Взяли след! – с удовлетворением произнес инспектор. – Вот видите, они взяли след!

Он прицепил собак к одному поводку и повел их по деревне. За ним двинулись Менелус Простафили, трое полицейских из Мелиссы и шесть деревенских добровольцев. Прочие же сельчане, дав шествию отойти на сотню ярдов, последовали за ними всей гурьбой.

Было ясно, что мероприятие в целом собакам нравится. Видно, им пришлось по душе катание в машине, хотя одного из псов укачало и вытошнило на полисмена. Но долгое лежание под столом таверны порядком наскучило им, и они рады были, что идут на прогулку. Уткнувшись носами в землю, они ловили знакомые запахи и таскали инспектора из стороны в сторону, чтобы поднять ножку у чьего-нибудь порога. Принюхиваясь то к одному, то к другому месту, они бегали кругами.

– По-моему, они взяли след, – с волнением повторял инспектор.

К тому времени они уже вышли за пределы деревни и углубились в оливковую рощу. Собаки бегали по кругу, повизгивая и живо виляя хвостами, но вдруг рванули в одном направлении.

– Вперед, гвардия! – крикнул инспектор. – Они взяли след!

Собаки буквально рвались с поводка, и инспектор едва поспевал бежать за ними. Следом неслась вся орава. Собаки сделали большой круг по оливковой роще и вернулись в деревню. Они вновь потащили задыхавшегося инспектора к центральной площади, потом опять от одного дома к другому, заставив пересечь улицу несколько раз, и вдруг, ко всеобщему удивлению, остановились у дома самого мэра, царапая дверь, повизгивая и виляя хвостами. Мэр побледнел. Он был наслышан об ошибках правосудия, и, если бы поведение собак сочли уликой, его вполне могли обвинить в коммунистическом заговоре. Видя, как настойчиво собаки скребутся в дверь, инспектор нахмурился.

– Господин мэр, – спросил он, – объясните мне, что бы это значило?

– Не имею ни малейшего представления, – сказал мэр, бледнея, – ей-богу, не имею ни малейшего представления.

– Они просто чуют нашу собаку, – вмешалась миссис Ишакис. – Ты что, не знаешь, что она как раз ищет пару?

На это заявление жители Каланеро ответили взрывом смеха, зато инспектор побагровел.

– Вы обязаны были доложить об этом прежде! – круто заявил он. – Иначе это может быть квалифицировано как «умышленное создание препятствий представителю закона при исполнении служебных обязанностей».

– Сожалею, что так произошло, инспектор, – залепетал мэр Ишакис, бросая недоброжелательный взгляд на жену, – но ей-богу, я не знал об этом.

– На первый раз прощается, – сказал инспектор. – Попробуем снова. Уведем их подальше

от деревни и всех ее соблазнов.

Они удалились в оливковую рощу где-то за четверть мили от деревни, и там собакам дали понюхать – на этот раз ослиную попону, от которой уж точно не пахло собаками. Псы решили, что на сей раз их просто приглашают на охоту, куда они не раз отправлялись со своим хозяином, бесплодно гоняя по полям, пока не спугнут спящего зайчишку или вальдшнепа. Они не понимали, почему сегодня все должно быть иначе, и бедняге инспектору пришлось гоняться за ними по холмам и по долам, по зарослям тростника и болотцам. Собаки с удовольствием обнюхивали все на своем пути и радостно виляли хвостами, вселяя надежду во всех членов компании. Вскоре они завели участников поиска на холмистый и каменистый участок, где инспектор, оступясь, угодил в глубокую яму, до крови расцарапав подбородок и разбив свою драгоценную лупу. Только теперь он понял, что лучше бы спустить собак с привязи.

Вот это оказалось в высшей степени неразумным. Вскоре инспектор и его команда совершенно упустили собак из виду и, бросившись на поиски кто куда, потеряли всякую связь друг с другом. Собаки еще немного весело поскакали по холмам, но поняли, что совершенно свободны, и поспешили назад в деревню прямо к мэрскому дому на свидание к своей подружке.

Между тем уже смеркалось, и жителями Каланеро стало овладевать беспокойство. Сначала прибежали назад собаки, затем приплелся Менелус Простафили. Он объяснил, что потерял контакт с основным составом команды и, поскольку не был готов голыми руками арестовать целую толпу коммунистов, счел единственно правильным вернуться в деревню. Вскоре шестеро деревенских удалцов вернулись и принялись рассказывать ту же историю – как они отбились от команды и решили, что самим продолжать поход бессмысленно. Однако инспектора и трех его полицейских простыл и след.

– Как ты думаешь, что с ними могло приключиться? – спросил Дэвид. – Вряд ли что-нибудь серьезное?

– Я тоже так думаю, – согласилась Аманда, – в этих холмах ничего особенного приключиться не может.

– Да, но можно свалиться в какой-нибудь овраг и сломать ногу, – продолжал беспокоиться Дэвид.

– Зачем же так мрачно? – нетерпеливо сказала Аманда. – Скорее всего, с ними все в порядке.

– Дэвид прав, – серьезным тоном сказал Яни. – Пока не взошла луна, в этих холмах трудно ориентироваться, а места есть прямо-таки опасные.

– Так что же делать? – растерялась Аманда. – Не идти же нам искать их.

– Посоветуем папаше Йорго, – предложил Дэвид, – чтобы выслал несколько человек с фонарями.

– Отлично! – обрадовался Яни. – Они увидят свет фонарей и поймут, куда идти.

Дети отправились к папаше Йорго со своей идеей. Сельчане немедленно оценили остроумие детей, и тут же в холмы отправилась толпа людей с фонарями. И уже через час инспектор со своей командой – все четверо хмурые, оборванные, злые – с позором прибрели обратно в деревню. Инспектор вошел в таверну и бессильно опустился в кресло, а сочувствующие сельчане щедро угощали его вином и смазывали полученные в походе синяки и ссадины разными снадобьями. Жаль, что у них не было средства успокоить его истерзанную душу.

– Мы были, – сокрушался он, отхлебывая вино, – в каких-нибудь двух шагах от успеха.

– Да-да, – кивали сочувствующие жители Каланеро.

– В каких-нибудь двух шагах от успеха! – продолжил он, в сердцах ударил кулаком по сто-

лу и залпом выпил еще кружку.

– И если бы не эти глупые кобели да не ваша паршивая собака, – повернулся он к мэру Ишакису, – у нас в руках наверняка были бы и эти ослы, и эти коммунисты!

– Да-да, – хором поддакивали островитяне, – эта мэрская псина во всем виновата!

Вся деревня усталилась на мэра так, будто он лично был повинен в распущенности своей собаки.

– Но я не намерен сдаваться, – заявил инспектор. – Я проведу здесь ночь, если у вас, господин мэр, найдется для меня койка, а утром начну все сначала. Все говорит за то, что мы добьемся успеха!

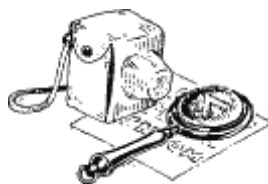
Напоследок инспектор решил угостить потрясенных жителей рассказом о самых знаменитых делах, раскрытых Шерлоком Холмсом, благополучно выдавая их за свои подвиги, а Дэвид с Амандой вернулись на виллу.

– А, это вы, мои крошечки, – проворковала миссис Зяблик. – А я как раз хотела пойти поискать вас. Садитесь ужинать.

Ужин прошел во всех отношениях тревожно. Детей беспокоило, что если ишаков в конце концов найдут, то подозрение падет на них, ибо никто, кроме них, никогда не проявлял интереса к Острову Гесперид. Генерал-майор Зяблик весь день в перерывах между занятиями живописью репетировал алюминиевой ногой барабанный бой племен Конго. Это было бы еще полбеды, но он поставил целью научить языку барабанов свою супругу. Мол, вот так он «на языке барабанов» просит хлеба, вот так – соли, вот так – перцу, и так далее. Конечно же миссис Зяблик к концу дня была готова потерять рассудок, а мистер Зяблик окончательно вышел из себя.

Торопливо закончив еду, дети выпорхнули на улицу в залитые лунным светом оливковые рощи и поплыли на Остров Гесперид покормить ишаков.

Было похоже на то, что из всех окрестных жителей происшествием более всего были довольны восемнадцать ишаков и пони. Целый день они только и делали, что жевали и дремали. А что еще нужно ослу?

Глава восьмая Решение

На следующее утро, к изумлению инспектора Стервозиса и всей деревни, на воротах дома мэра был обнаружен еще один плакат, призывавший ишаков всех страх соединяться. Аманда и Дэвид были изумлены и встревожены не меньше, чем жители.

– Наверняка Яни, – решил Дэвид. – По моему, это глупо.

– Зато сколько людей из-за этого забегают, – пожала плечами Аманда.

Но когда они потребовали объяснений у Яни, тот горячо отрицал свою причастность к проделке.

– Так кто же? – растерялась Аманда.

Все сошлись, что, скорее всего, это дело рук Простаки. Тот кивнул головой и лукаво улыбнулся Аманде. Он был зайкой и с большим трудом объяснил, что на него произвела большое впечатление затея с плакатом и что он решил вывешивать лозунг каждую ночь.

– Знаешь что, Простаки, – вконец разозлился Дэвид, – ты просто *идиот*.

– Не надо с ним так, – вступилась за мальчика Аманда, – он же хотел как лучше.

– Не думаю, что будет как лучше, – хмуро сказал Яни, – это так взбесит инспектора и всех жителей, что они, скорее всего, удвоят усилия.

Событие действительно вызвало в деревне взрыв негодования.

– Выходит так, – шумел папаша Никос с побагровевшим лицом, – коммунисты разгуливают по нашей деревне, даже невзирая на присутствие в ней инспектора, как у себя дома. Необходимо предпринять решительные меры!

– Да-да, – повторяли сельчане. – Нужно предпринять решительные меры.

– Тише, тише, – успокаивал их инспектор, – сегодня утром мы снова начнем поиск. Вчера мы были в двух шагах от успеха – сегодня мы *добьемся успеха!*

Но по настроению жителей было видно, что они не разделяют оптимизма инспектора. А тот, в компании двух верных собак, трех полицейских и шестерых добровольцев, все утро лазил по холмам в окрестностях Каланеро и к полудню вернулся, измотанный и с пустыми руками.

– Знаете что, – сказал инспектор мэру, – пойду-ка я к генерал-майору Зяблику. Ему не занимать ни ума, ни отваги, и, в конце концов, он соотечественник Шерлока Холмса! Вот кто даст нам кучу полезных советов!

Сказано – сделано. Стервозис направился на виллу.

– Вот это да! – встревоженно проговорил Дэвид, увидев приближение инспектора. – Неужели он все обнаружил?

– Не думаю, – сказала Аманда, хотя у нее самой сосало под ложечкой. – Быть такого не может. Мне кажется, он просто зашел поздороваться с отцом.

– А, это вы, мои крошки, – сказал Стервозис, ласково улыбаясь брату с сестрой, – что, ваш батюшка дома? Я так хотел бы с ним поговорить!

– Да, господин инспектор, – робко ответила Аманда. – Он, как всегда, на террасе. Рисует.

– Не будет ли бесцеремонным, если я отвлеку его? – спросил Стервозис.

– Нет, что вы, – сказала Аманда, – отвлекайте сколько Вам нужно. Все равно картины у него всегда скверные.

– Как ты можешь? – воскликнул потрясенный инспектор. – Твой папочка прекрасный живописец.

Он вошел на террасу, где генерал наносил последние мазки на пейзаж с закатом, похожим на атомный взрыв.

– А, это вы, мой милый инспектор, – сказал генерал, откладывая в сторону кисти и тщательно вытирая руки для рукопожатия. – Рад вас видеть.

– Вы не возражаете, если я отвлеку вас от работы на пару минут? – промурлыкал Стервозис.

– Конечно, любезный, – сказал генерал.

Он вынул из кармана трубку и принялся выбивать алюминиевой ногой сложный африканский ритм.

– Тамтамы Конго! – объяснил он инспектору. – Так называемые говорящие барабаны. С их помощью туземцы посылают сообщения. Я как раз обучаю супругу их языку. Посмотрим, как она его усвоит. Ну так что же вы стоите, пожалуйста, садитесь!

В этот момент миссис Зяблик появилась на террасе с подносом, уставленным бутылками и стаканами.

– Вот это да! – сказал генерал и застыл в восхищении. – Ты усвоила, Агнесса!

– Что усвоила?! – переспросила изумленная миссис Зяблик.

– Язык барабанов! Я сейчас послал тебе сигнал, – сказал генерал.

– Боже, какой еще сигнал?! – вздрогнула миссис Зяблик.

– Сигнал подать нам напитки, – все еще надеялся генерал.

– Да нет, – пожал плечами миссис Зяблик, – это Аманда мне напомнила.

Генерал вздохнул. Вид у него был печальный.

– Наливайте, инспектор, – грустно сказал он. Они пропустили по стакану рома, и инспектор принялся расхваливать последнее творение хозяина.

– Ну, – сказал генерал, – рассказывайте, что привело вас в Каланеро?

– Вот об этом я и хотел поговорить, – сказал инспектор. – Я расследую одно из самых тяж-

ких преступлений, с которыми сталкивался в ходе своей карьеры.

– Вот это да! Неужели? – изумился генерал.

– Вы что же, ничего не слышали об ослах? – вскричал инспектор.

– Каких ослах? – озадаченно спросил генерал.

– Все ослы Каланеро, – инспектор патетически развел руками так, что чуть было не опрокинул свой стакан, – похищены коммунистами!

Генерал вставил свой монокль в глаз и уставился на инспектора.

– Я не ослышался? – спросил он.

– Нет, – вздохнул инспектор. – Я уже сутки веду розыск, и все безрезультатно. Решил спросить у вас совета. Вы как-никак соотечественник Шерлока Холмса.

– Я вам сколько раз говорил, – раздраженно процедил генерал, – что Шерлок Холмс является *вымышленным* персонажем.

– Да не может же персонаж со столь блестящим умом, – сказал инспектор, – быть вымышленным. Я хочу когда-нибудь съездить в Лондон и посмотреть на то место, где он жил. Но вернемся к нашим ослам. Поскольку мои расследования не дали результатов (а кто угодно подтвердит вам, что я не оставил без внимания ни одного камня на этом острове), я был бы вам очень признателен, если бы вы дали мне совет.

Генерал вынул из глаз монокль, тщательно протер его и вставил на место.

– Мой милый инспектор, – сказал он. – Я приезжаю сюда раз в год, чтобы немножко позаниматься живописью в покое и тишине. Всякий раз, когда я приезжал, я старался избегать вмешательства во внутреннюю жизнь острова. В первый год вы пытались заставить меня выяснять, кому какая корова принадлежит. Во второй год вы требовали от меня рассудить, обманул папаша Йорго папашу Никоса на полтораста кило оливок или нет. На третий год вы спрашивали моего мнения, прав ли Страхис, который навесил на крышку своего колодца замок и не дает пользоваться другим. Во всех трех случаях я брал самоотвод. Так что я решительно не знаю, как вам помочь на этот раз.

Аманда и Дэвид подслушивали разговор с замиранием сердца, стоя у полузакрытых ставень гостиной.

– Хорошенькое дело, – прошептала Аманда. – Если отец придет инспектору на помощь, все обнаружится.

– Поймите, генерал, – умолял инспектор, – все мое будущее зависит от вас! Если я успешно разрешу это дело, да так, чтобы это дошло до ушей моего начальства в Афинах, я смогу получить повышение.

Генерал встал, раскурил трубку и медленно побрел вдоль террасы. За ним след в след плелся инспектор. Аманда и Дэвид были ни живы ни мертвы: пока отец с инспектором ходили из угла в угол, до них долетали только обрывки фраз.

–...И в подобных случаях, – говорил генерал со значением, – часто случается... Я помню однажды в Бангадоре, где я потерял свою ногу... Но вот что вам следует предпринять...

В этом месте дети особенно вытянули шеи, пытаясь расслышать, что же предлагает отец. Наконец из дома, распрощавшись с хозяевами, вышел улыбающийся инспектор.

Семейство Зябликов село за обед. Аманда и Дэвид переглядывались тревожными взглядами, а их отец, судя по всему, пребывал в хорошем настроении. Проглотив кусок, он затягивал очередной куплет из «Дороги на Мандалэ».

– Папочка, чего от тебя хотел инспектор? – спросила Аманда, изо всех сил изображая невинное любопытство.

– А, инспектор? – переспросил генерал. – Он просто заскочил убить время да спросить у меня совета.

– Ну и как, ты помог ему? – спросила миссис Зяблик.

– Думаю, что да, – весело ответил генерал.

Аманд и Дэвид дружно бросили вилки и выскочили из-за стола. Было ясно, что отец не расскажет, что же он посоветовал Стервозису, и оставалась одна надежда это узнать – от самого инспектора. Они тут же помчались к Яни и доложили ему обо всем. Все трое бросились на главную площадь, где инспектор созывал сельчан на чрезвычайный митинг. Само собой разумеется, почти вся деревня немедленно собралась.

– Итак, – начал инспектор, крепко зажав трубку в зубах, – как я говорил в прошлый раз, де-

ло характеризуется множеством необычных аспектов. Как вы знаете, мною были предприняты попытки раскрыть его при помощи самых современных методов. Но в основе расследования лежит честная игра, а коммунисты, как вам известно, и понятия о ней не имеют. В этом причина нашего неуспеха.

– Правильно, правильно, – согласился папаша Йорго. – Как-то раз один отъявленный коммунист из Мелиссы украл у меня весь урожай земляники. Инспектор прав: коммунисты понятия не имеют о честной игре.

– Именно так, – продолжал инспектор. – И поэтому я решил попробовать другой метод.

– Какой же? Какой же? – нетерпеливо загалдели сельчане.

– Я решил, – сказал инспектор, стараясь выглядеть строгим и благородным, – что мы, а точнее, вы предложите выкуп за ваших ослов.

По толпе пронесся вздох разочарования.

– А где мы наберем столько денег, чтобы выкупить наших ослов? – раздался голос мамыши Агати.

– Вот, – продолжал инспектор, – список всех пропавших животных. Их примерная стоимость составляет сейчас двадцать пять тысяч драхм.

– Но где же, – воскликнул в отчаянии папаша Никос, – нам взять эти двадцать пять тысяч драхм?

– Вот в этом-то и вся штука, – сказал инспектор с хитрецей. – Вам не придется предлагать такое крупное вознаграждение. Вы предложите меньшую сумму, но все же достаточно привлекательную. Что коммунисты жадны до денег, всякий знает. Если мы объявим о вознаграждении, шайка разбойников, укравшая ослов, несомненно выдаст и своих сообщников – вы же знаете, они не признают честной игры.

– Превосходная идея, – почесал за ухом папаша Никос, – только денег-то у нас все равно нет.

– Да-да, – поспешил вставить слово мэр, – денег у нас все равно нет. Можно даже сказать, что мы нищие.

– Кто, вы? – сказал папаша Никос с негодованием. – Да все знают, что вы самый богатый человек во всей деревне. Не понимаю, почему бы вам не объявить о вознаграждении.

– Правильно, правильно, – хором закричали жители, – именно так! В конце концов, он же не просто самый богатый человек в деревне – он же еще и мэр.

– Да, – приподнял брови инспектор, – по-моему, вы совершенно правы...

История с собачонкой мэра до сих пор терзала инспектора, и он не хотел упускать возможности взять реванш. Ситуация была для этого идеальной.

– Но уверяю вас, я бедняк, – промямлил мэр.

– Что ж. Будешь числиться у нас бедняком и больше не будешь мэром, – хмуро сказал папаша Никос.

– Именно так, – сказал папаша Йорго. – Хотите, я расскажу историю со сладким картофелем?

Мэр побледнел. Он и не думал, что кто-нибудь знает о мошенническом дельце, которое он провернул прошлым летом.

– Вот что я вам скажу, – в отчаянии произнес он, – если дадите мне досказать. Хоть я и бедняк, но так и быть, я предлагаю скромную сумму на выплату вознаграждения. Пятьсот драхм.

Сельчане развеселились.

– Так мы не вернем наших ослов, – вразнобой закричали они.

– Правильно, – согласился инспектор. – Эта сумма слишком ничтожна. Нужно значительно больше.

– Ну, пусть будет тысяча драхм, – предложил мэр, сделав над собою усилие.

– Болван! – с вызовом сказал папаша Никос. – Если бы ты украл ослов стоимостью в двадцать пять тысяч драхм, ты бы сказал, где они находятся, за какую-то жалкую тысячу?

– Верно, – согласился инспектор. – Нужна сумма существенней.

– Пять тысяч, – сказал мэр. По жирному лицу и моржовым усам его струились ручьи пота.

– Двадцать, – подсказал кто-то из толпы.

– Вот это уже ближе к делу, – согласился инспектор. – Это уже существенная сумма.

– Будь по-вашему! – пробормотал мэр, вынимая носовой платок и вытирая пот с бровей. –

Двадцать тысяч драхм!

По толпе пронесся гул одобрения.

– Скажите, – спросил инспектора папаша Никос, – когда коммунист придет к вам рассказать, где находятся ослы, как вы с ним поступите?

– То есть как – как? Выплачу ему деньги, – пожал плечами инспектор.

– Но... разве вы не собираетесь арестовать его?! – изумился папаша Никос. – Коммунист как-никак.

– Жизненный опыт показывает, назидательно проговорил инспектор, – ЧТО ЕСЛИ У КОММУНИСТА ПОЯВЛЯЮТСЯ ДЕНЬГИ, ОН ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ КОММУНИСТОМ. Стало быть, его незачем арестовывать.

Сельчане были потрясены стройностью суждения.

– Теперь скажите, – не отставал папаша Йорго, – как вы сообщите коммунистам о вознаграждении?

Все собравшиеся на несколько минут застыли в раздумье.

– Афиши, – неожиданно выпалил мэр. Эта мысль была первой его оригинальной идеей с тех пор, как он заступил на должность. – Мы выпустим афиши.

– А где вы собираетесь их расклеить? – спросил папаша Йорго.

– А может быть, разбросаем листовки, как они это делали во время войны? – предложил папаша Никос.

– Лучше всего, конечно, разбросать их с самолета или вертолета, – размышлял инспектор, – но пока мы заполучим самолет, пройдет много лет. Нет, ЛУЧШЕ ВСЕГО РАСКЛЕИТЬ В ТАКИХ МЕСТАХ, ГДЕ ИХ СКОРЕЕ ВСЕГО УВИДЯТ КОММУНИСТЫ.

– Это где же? – удивился папаша Никос. – Обычно мы вывешиваем объявления в деревне.

– Нет, мы расклеим их там, где они обычно прячутся, – подвел черту инспектор. – В оливковых рощах, на виноградниках, в холмах...

– А как мы сделаем их? – уныло полюбопытствовал мэр.

Вот когда настал звездный час инспектора!

– У меня, – произнес он, величественно вставая с кресла, – есть двоюродный брат в Мелиссе, который отпечатает их бесплатно. У него собственный печатный станок.

По толпе прокатились возгласы одобрения, гром аплодисментов и крики «браво». Инспектор сел на место, хитро улыбаясь: он был счастлив укрепить свой хлипкий авторитет среди жителей Каланеро.

– А что мы напишем на этих афишах? – спросил папаша Никос. – К кому мы будем обращаться? Ведь мы точно не знаем, кто они на самом деле.

– Я кое-что заготовил. – С этими словами инспектор вытащил из кармана еще один листок бумаги. – Вот, – сказал он и стал сосредоточенно читать. – Вот что я предлагаю написать в этих афишах:

**ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ ВСЕХ
ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ,
И, В ЧАСТНОСТИ, КОММУНИСТОВ.
ВСЕМ РАСПОЛАГАЮЩИМ
ИНФОРМАЦИЕЙ
О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ
НАШИХ ОСЛОВ
ГАРАНТИРУЕТСЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ
В РАЗМЕРЕ 20 000 ДРАХМ.**

Подписано: «Мэр Ишакис», – продолжил он. – Теперь я отвезу это в Мелиссу, и начнем печатать. К завтрашнему дню будут готовы.

Инспектор сел в полицейскую машину и победоносно уехал, провожаемый восхищенными возгласами жителей, которые, весело болтая, тут же разошлись по домам. Только у мэра вид был печальный. Что же касается детей, то их сердца трепетали от восторга.

– Просто здорово! – ликовала Аманда. Глаза ее сияли. – Мы спасли тебя, Яни! Мы спасли

тебя!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – проворчал Дэвид.

– Ну не будь же таким пессимистом! – сказала Аманда. – У нас все получилось! Единственное, что теперь остается Яни, – объявить о местонахождении ослов и требовать вознаграждения.

– А тебе не приходит в голову, что именно его и обвинят в похищении ослов, если он потребует вознаграждения?

– Действительно, Аманда, – проговорил Яни. – Вся деревня знает, как меня третирует мэр Ишакис.

– Ну тогда, – сказала Аманда, – вознаграждение потребуем мы сами, а затем передадим его Яни. Я думаю, жители так обрадуются возвращению ослов, что им будет все равно, кто их угнал.

– Рановато радоваться, – гнул свое Дэвид. – Не думаю, чтобы негодяй Ишакис оставил это дело без расследования.

– Не думаю, что он сможет что-нибудь сделать, – сказал Яни. – Жители и так уже достаточно злы на него.

– Подождем – увидим, – не сдавался Дэвид.

На следующее утро инспектор вернулся на полицейской машине из Мелиссы и с большой гордостью вытащил из багажника пачку афиш, со вкусом напечатанных красным по белому. Сумма в 20 000 драхм была указана особенно крупным шрифтом – как буквами, так и цифрами. Это, объяснил инспектор, на случай, если коммунисты окажутся неграмотными.

Афиши возымели большой успех – главным образом потому, что были приятны для глаз. Правда, двоюродный брат инспектора был не особенно искушен в полиграфическом искусстве, так что строчки плясали, как морские волны; однако все согласилось, что это придает афишам особый шарм. Сама мамаша Агати заявила, что стыдно развешивать такую красоту в местах, где их смогут видеть одни лишь коммунисты. Сельчане решили прибить одну афишу на дверь таверны. Затем были скандалы и сцены при распределении остальных афиш, поскольку даже те жители Каланеро, у которых никогда не было ослов, хотели иметь это произведение искусства.

Ребята хихикали все утро, наблюдая за тем, как сельчане тщательно расклеивают афиши на оливковых деревьях, кольях для виноградников и бамбуковых заборчиках, разгораживающих поля. Мамаша Агати так радовалась доставшимся ей двум экземплярам, что даже одолжила у миссис Зяблик щетку из перьев, дабы первозданная красота не померкла под слоем пыли. Когда Аманда и Дэвид вернулись на виллу обедать, они просто изнемогали от смеха.

– А, это вы, мои дорогие, – проворковала миссис Зяблик, – я как раз собралась пойти вас поискать. Обед будет чуть позже. Понимаете, произошел небольшой конфуз с супом. Я просила мамашу Агати подать его, а она почему-то вылила его в раковину. Бедняжка, она была так расстроена!

Дети отправились на террасу, где генерал критически рассматривал в монокль свой последний шедевр.

– Мама сказала, что обед запаздывает, – доложила Аманда. – Она сказала, что мамаша Агати почему-то вылила суп в раковину.

– Загадки тут нет, – объяснил отец. – Твоя мама и в самом деле хотела, чтобы мамаша Агати подала суп на стол, но из ее объяснения бедняжка поняла, что его надо вылить. Вот что значит знание языков.

– Ой, – захихикала Аманда, – как же я не подумала об этом!

– Да, кстати, – сказал генерал, наклонившись вперед и наложив очередной мазок, добавив колорита своей картине, – не слишком ли вы там перекармливаете ослов?

При этих словах Аманда и Дэвид, блаженно лежавшие на согретых солнцем плитках, которыми была вымощена дорожка, вскочили, как от выстрела.

– Каких ослов? – осторожно спросила Аманда. Генерал нанес еще мазок.

– Как каких? Четвероногих. Есть такие выючные животные с длинными ушами. А еще они громко режут.

Брат и сестра переглянулись.

– М-м... Не понимаю, о чем ты говоришь, – из последних сил держалась Аманда.

– Я говорю, – с расстановкой произнес генерал, – об ослах из деревни Каланеро, которых вы благополучно спрятали на Острове Гесперид.

Дети в ужасе посмотрели друг на друга.

– Как... как ты узнал об этом?! – ошарашенно спросила Аманда.

Генерал отложил палитру и кисть, достал свою трубку и раскурил ее.

– Помнишь, я тебе говорил, – сказал он, – что у меня есть источники информации, о которых не всем положено знать. Но на сей раз скажу. Мне об этом докладывал Простаки.

– Простаки?! – воскликнули в один голос дети, не в силах поверить услышанному. – Не может быть! Он и говорить-то не умеет.

– Еще как умеет, – сказал генерал. – Он страдает заиканием, но отнюдь не недостатком ума. Просто все такие болтуны, что никто не прервет свою речь, чтобы дать ему сказать слово. Он-то как раз любит поговорить, но никто ему не дает.

– Бедняга, – медленно произнесла Аманда. – Мне никогда это не приходило в голову.

– А вот я, – сказал генерал, – набрался терпения и выслушал его. С тех пор всякий раз, когда я садился писать, он приходил ко мне и рассказывал последние новости. Только не подумайте, что он вас выдал. Он думал, что я-то и являюсь автором всего этого заговора, – помнишь, ты ему сказала, что спросила у меня совета?

– Да-да, – сказала Аманда. – Я спрашивала о похищении людей.

– Должно быть, так, – сказал генерал. – Однако я не стал его разубеждать и с интересом выслушивал во всех подробностях, как шло развитие заговора.

– Почему же ты не остановил нас?! – спросил Дэвид.

– Мой милый мальчик, – сказал генерал, – вы с Амандой уже достаточно взрослые и рассудительные, чтобы самостоятельно устраивать свою жизнь. Если хотите впутаться в историю – это ваша проблема, а не моя. И уж поскольку вы пошли на то из самых благих побуждений, я абсолютно не видел смысла вмешиваться.

– Так что ты, в таком случае, сказал инспектору? – допытывалась Аманда.

– А, – сказал генерал, подув на трубку, – вот здесь я счел целесообразным небольшое вмешательство. Я понял, что вы стремились как можно меньше конфликтовать с законом, ибо вы собирались вернуть похищенных ослов. Но если бы вы выдвинули требование выкупа (что, я предполагал, станет вашим следующим шагом), тогда, боюсь, мне не удалось бы спасти вас от карающей силы закона. Вот я и предложил инспектору объявить о вознаграждении.

– Какой же ты умница, папочка! – восторженно прошептала Аманда.

– Я сам иногда поражаюсь собственному остроумию, – скромно сказал генерал.

– А как, по-твоему, что нам теперь делать? – спросила Аманда.

– Советую подождать до завтра, – сказал генерал, – а там уж сообщить, где находятся ослы, и требовать вознаграждения.

Он вытряхнул трубку, постучав о край террасы, и замурлыкал под нос «Дорогу на Мандалэ».

– Знаешь что, – сказал он Аманде, – я сам пойду на центральную площадь и посмотрю, как этот мэр будет расплачиваться. Я его не больше вашего люблю и не меньше вашего горю желанием помочь бедняге Яни.

Глава девятая Вознаграждение

После обеда дети отправились к Яни на последний военный совет.

– По-моему, – сказал Дэвид, когда они с сестрой пробирались сквозь оливковую рощу, – этому Простаки нужно устроить головомойку.

– Не надо, – решительно возразила Аманда. – В конце концов, он же только хотел помочь.

– Да, но если бы отец не так понял, все бы провалилось, – напомнил Дэвид.

– Не надо ему вообще ничего говорить, – решила Аманда. – Как бы ты сам себя чувствовал, если бы тебе всю жизнь хотелось поговорить, а тебя никто не слушал.

– Так-то так, – неохотно согласился Дэвид, – но из-за таких, как он, рушатся самые первоклассные планы.

Когда они сообщили обо всем Яни, он тоже сначала пришел в ужас, но затем взял сторону Аманды и согласился, что Простаки не стоит ничего говорить.

– Теперь, – заявила Аманда, – на повестке дня вопрос о требовании вознаграждения. Я полагаю, что лучше всего объявить о местонахождении ослов сегодня вечером.

– Ясно то, – сказал Дэвид, – что Яни в это впутывать не следует. Иначе мэр поймет, что он участвовал в похищении ослов. Мы сделаем все сами.

– Правильно, – сказала Аманда, – около четырех часов пополудни поплывем на Остров Гесперид и... найдем там ослов. Вот будет сюрприз!

– Точно, – сказал Дэвид. – К тому времени, когда мы вернемся в деревню с новостями, все будут отдыхать после трудового дня.

– Интересно, какая будет реакция жителей? – задумалась Аманда.

– Ты не представляешь себе, как они будут благодарны, – сказал возбужденный Яни. – По-моему, они только сейчас поняли, как им нужны ослы.

– Но не думаю, чтобы у мэра в доме нашлось двадцать тысяч драхм, – продолжал он. – Это значит, что ему придется ехать за деньгами в Мелиссу, то есть раньше чем завтра мы все равно вознаграждения не получим.

– Какая разница? – махнула рукой Аманда. – Не важно когда: сегодня или завтра.

– Да, но как бы он не передумал за ночь, – предположил Дэвид.

– Он в любом случае не сможет поехать вечером в Мелиссу, – сказал Яни. – Банк-то будет закрыт.

Дэвид вздохнул и нахмурился.

– Другого выхода нет, – сказал он. – Придется рискнуть.

На следующий день Яни и Простаки, хорошенько потрудившись до четырех пополудни, легли отдыхать, а в это время Аманда и Дэвид нырнули в теплую синюю воду и поплыли на Остров Гесперид.

– Обрати внимание, – сказала Аманда, – отряхнув мокрые волосы и взглянув на ослов и маленького пони, – как они хорошо выглядят: отдых явно пошел им на пользу.

– Да, конечно, – сказал Дэвид. – Они были бы счастливы, если бы им предоставляли ежегодный отпуск.

– То есть если бы их раз в год перевозили на Остров Гесперид? – спросила Аманда.

– Вот-вот, – сказал Дэвид. – Устроить здесь что-то вроде летнего лагеря для ослов.

– Неплохая идея, – подумав, улыбнулась Аманда, – не сомневаюсь, что сельчане на это пойдут.

– Значит, так, – вернулся к реальности Дэвид. – Теперь твоя задача – плыть назад и со всех

ног бежать в деревню. Как раз в это время мэр, по обыкновению, просыпается и требует первую чашку кофе. Остальные жители тоже уже немного отдохнули. Чем драматичнее ты сообщишь о находке, тем лучше. И, ради Бога, не вздумай хихикать.

– Я не хихикаю, – сурово сказала Аманда.

– Хихикаешь, хихикаешь. Беспрестанно хихикаешь.

– Я не хихикаю, – повторила Аманда. – Я смеюсь.

– В общем, как бы ты это ни называла, чтоб этого не было, – закончил разговор Дэвид.

Похлопав пони по гладкому заду, Аманда сбежала вниз по каменным ступеням и нырнула. Чтобы произвести впечатление сильного волнения, она со всех ног бежала вверх по холмам и ворвалась в деревню тяжело дыша и совершенно измученная.

Как и ожидалось, отдохнувшие мэр Ишакис, папаша Никос и многие другие сельчане уселись за столы в таверне обсуждать животрепещущие вопросы деревенской жизни. Они спорили до хрипоты, когда же наконец придут коммунисты и сообщат о местонахождении ослов и вообще обучены ли коммунисты грамоте, когда на главную площадь деревни вбежала взмокшая, задыхающаяся Аманда.

– Мэр Ишакис! Мэр Ишакис! Мы нашли их! – почти прохрипела она и упала на колени к мэру.

– Нашла, мое золотко? – спросил изумленный мэр. Было очевидно, что в таком состоянии Аманда не сможет отвечать. Ей принесли напиток и ласково похлопывали по спине, пока у нее не восстановилось дыхание.

– Ослы, – выпалила наконец Аманда. – Мы нашли их.

Сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Мэр вскочил на ноги и уронил бедняжку на пол, а сам повалился на стол, на котором стояло двенадцать бутылок рому и пять чашек кофе.

– Как, – спросил он лежавшую на полу Аманду, – вы нашли их?

– Где? Где? – вскричал папаша Никос.

– Где вы их нашли?

– Скорее, скорее, скажи нам! – сказал папаша Йорго.

Аманда, потрясенная произведенным ею драматическим эффектом не меньше, чем сами сельчане, поднялась на ноги и театрально оперлась на опрокинутый стол.

– Мы нашли их! – произнесла она трагическим голосом.

– Они нашли их! Они нашли их! – кричал мэр. Весть, точно телеграмма-молния, облетела все дома, и немедленно все жители сбежались на площадь.

– Где же они? Где же они? – повторял папаша Никос.

Аманда сделала медленный глубокий вдох и гордо подняла голову.

– Мы с Дэвидом, – сказала она дрожащим голосом, – сегодня во второй половине дня ходили купаться. Мы плавали на Остров Гесперид. Надеюсь, все о нем слышали?

По толпе пронесся гул в знак подтверждения и сразу же смолк. Сельчане боялись пропустить хоть слово, сказанное Амандой.

– Мы поднялись по ступенькам к небольшой террасе, где церковь, – продолжила Аманда, стараясь растянуть свой рассказ как можно дольше.

– Да-да, – загудели слушатели. – Знаем, знаем.

– И там, – драматично провозгласила Аманда, – к нашему изумлению, мы нашли всех ослов и маленького пони.

– Храни нас святой Поликарп, – крикнул мэр. – Это чудо!

– А с ними были коммунисты? – спросил папаша Йорго.

– Да нет, – сказала Аманда, – но похоже, кто-то ухаживает за ними. Вы увидите, какие они откормленные.

– Ну и слава Богу, – воскликнул папаша Никос. – Ведь если бы вы, наши золотые крошки, попали в лапы этих бандитов коммунистов, то не представляю, что бы они с вами сделали.

– Так надо же забрать ослов с Острова Гесперид, – сказал мэр. – Заберем их скорее, пока коммунисты не вернулись.

– Не беспокойтесь, – сказала Аманда. – Я оставила там Дэвида, а уж он-то не допустит, чтобы с ними что-нибудь случилось.

– Чем быстрее мы заберем их, тем лучше, – нервничал папаша Никос.

– Все к лодкам! – завопил папаша Йорго. – Все к лодкам! Поплывем и заберем их оттуда!

Толкаясь и отпихивая друг друга, спотыкаясь и падая, жители Каланеро, ведомые Амандой, гурьбой бежали к небольшой пристани, где были привязаны рыбацьи лодочки. Оттуда недалеко было до Острова Гесперид.

И что тут началось! Островитяне бросились выбирать якоря, и у них переплетались цепи; отгребая от берега, они насажали друг другу шишек веслами. К радости Аманды, мэра, пытаюсь вскочить в отходившую от берега лодку, оступился и шлепнулся в теплую воду. Однако вскоре вся флотилия, рассекая голубые волны, шла к Острову Гесперид. Дэвиду, наблюдавшему с острова за движением лодок, мигом вспомнились прогулочные лодки в Сванаге, куда их возили кататься по заливу.

Первой причалила к берегу лодка, в которой сидел насквозь промокший мэра. Остальные не замедлили последовать за нею. Сельчане выскакивали из лодок на берег и взбегали по ступенькам, где сначала застывали от изумления, а потом оглашали остров криками радости при виде мирно стоящих в ряд и жующих жвачку восемнадцати ослов и маленького пони.

– О, мой пони, мой маленький пони, – простонал мэра. По щекам его струились слезы. Он так расчувствовался, что обнял самого крупного из своих ослов за шею и расцеловал его в нос, – беспрецедентный поступок, тем более для столь важной персоны! Даже Страхис, до того не замеченный в особенной любви к животным, тайком гладил своих ослов с широкой улыбкой на лице – очевидно, процедура доставляла ему удовольствие.

– Но как же коммунисты перевезли их сюда? – спросил папаша Никос, когда волнение несколько поутихло. – Может, у них есть большой корабль, на который они их всех погрузили?

– Я так не думаю, – сказала Аманда. – Возможно, они просто переправили их вплавь.

– А *могут* ли ослы плавать? – спросил папаша Никос.

Аманда изо всех сил сделала безразличное лицо.

– Спросите мэра, – ответила она.

– Да-да, – закивал мэра. – Еще как могут. В тот день, когда я свалился с моста, а эти отважные дети спасли меня, мой ослик выплыл сам, как рыба.

– Предлагаю таким же способом переправить их обратно, – сказала Аманда.

Хозяева свели ослов с лестницы с величайшей осторожностью. Но, очевидно, отдых на Острове Гесперид избаловал их, равно как и маленького пони. Они еще меньше, чем во время похищения, хотели лезть в воду, так что разыгравшаяся на пляже сцена заталкивания их в море выглядела как невиданное родео. Мэра Ишакис, который в самом начале действия получил от своего любимого пони копытом в брюхо, теперь лежал под кипарисом и приходил в себя, а загонять его вьючную скотину в море досталось Аманде с Дэвидом. Но вот наконец флотилия из рыбацких лодочек и ослиного стада достигла берега, где была встречена оставшимися жителями деревни. Наверное, так встречают возвращающийся из своего первого круиза океанский лайнер. Каждый хотел похлопать ишаков да погладить их; каждый спешил выкрикнуть здравицу в честь свершившегося чуда и этих умниц Аманды и Дэвида. Когда утомленные люди и животные наконец достигли главной площади деревни, мэра настолько расщедрился, что послал за бутылкой вина домашнего приготовления, чтобы провозгласить тост за Аманду и Дэвида. Поднятие бокала сопровождалось выкриками «браво!», «молодцы!», «какие чудесные дети!» и так далее.

– Надеюсь, вы не забыли о вознаграждении, мэра Ишакис? – скромно спросила Аманда, когда стакан опустел. Мэра, с лица которого до сего момента не сходила улыбка, был настолько потрясен, что едва не выронил стакан из рук.

– Вознаграждение? Какое еще вознаграждение? – спросил он.

– Сами знаете, – сказал Дэвид. – Вознаграждение в двадцать тысяч драхм. Сумма, которая была указана в афишах.

– Ах вот вы о чем, – сказал мэр. – Хм... Но ведь я написал это исключительно с целью выманить коммунистов из укрытия. Это была, если можно так выразиться, уловка.

– Что я говорил? – прошептал Дэвид Аманде.

– Мэр Ишакис, – непреклонно сказала Аманда. – В афишах красным по белому сказано, что вы выплатите двадцать тысяч драхм вознаграждения всякому, кто располагает сведениями о местонахождении ослов. Мы же не только сообщили вам эти сведения, но и показали вам, где ослы находятся. Таким образом, выплатить нам награду вы обязаны.

– Но, родненькие вы мои, – пролепетал мэр, покрываясь испариной, – это же была шутка.

– Нет, это не было шуткой, – хмуро сказал папаша Никос, – и вы это прекрасно знаете.

– Да-да, – подошел папаша Йорго, – это не было шуткой.

– Вы обещали вознаграждение, – продолжал папаша Никос, – и обязаны его выплатить. Дети заслужили его.

– Да, заслужили. Да, заслужили, – хором загудели сельчане.

– Ну, – в отчаянии сказал мэр, – если это единодушное решение, я думаю, что выполню его. Но денег со мной нет. Мне придется съездить в Мелиссу и взять их.

– Правильно, – ласково сказала Аманда. – Мы придем за деньгами завтра в четыре часа пополудни.

– Да-да, – хором кричали сельчане, – в четыре часа.

– Путь будет так, в четыре часа, – угрюмо сказал мэр.

Итак, дети, обласканные и расцелованные благодарными жителями Каланеро, отправились на виллу.

– Ну, – сказал генерал, когда они появились на террасе, – как все прошло?

– Превосходно, – сказала Аманда. – Видел бы ты, как мэр шлепнулся в воду, пытаясь вскочить в лодку. Это было почище, чем падение с моста.

– Как жаль, что я этого не видел, – с иронией вставил Дэвид.

– Потом, – продолжала Аманда, – все были так взволнованы, когда увидели ослов, что мэр одного из своих расцеловал публично.

– Если бы у людей было больше времени целовать ослов, – заметил генерал, – мир был бы куда прекраснее!

– Видел бы ты, как они пытались заставить ослов плыть назад, – сказал Дэвид. – Маленький пони лягнул мэра в брюхо!

– Лучше поздно, чем никогда, – с удовлетворением сказал генерал.

– Когда ослы были переправлены в деревню, – сказал Дэвид, – мы потребовали у мэра вознаграждение.

– А, – сказал генерал, – и что же он ответил?

– Пытался изобразить, будто это была всего лишь шутка, – раздраженно сказала Аманда.

– Что я тебе говорил? – сказал Дэвид. – Да я такому ни в жизнь не поверю.

– К счастью, – сказала Аманда, – сельчане взяли нашу сторону и настаивали, что мы заслужили награду, так что мэру пришлось сдаться. Завтра в четыре часа пополудни мы за ней придем.

– Великолепно, – с удовлетворением кивнул генерал. – Просто великолепно.

– Я удивляюсь, почему ты все это одобряешь, – сказала Аманда.

– А почему я не должен это одобрять? – спросил генерал. – Хорошо задуманный и блестяще осуществленный план, который никому не причинил зла и сделал столько доброго для Яни. Я абсолютно не вижу причины, почему я не должен это одобрять.

Аманда пожала плечами: метод мышления ее отца всегда оставался для нее загадкой.

– Я сам подойду к четырем часам, – сказал генерал, – и маму тоже возьму с собой.

– Это куда, Генри? – спросила миссис Зяблик, которая как раз появилась на террасе в изумительном наряде.

– На центральную площадь деревни, – сказал генерал. – Надо будет пронаблюдать за тем, как мэр будет расплачиваться с Амандой и Дэвидом.

– Расплачиваться? За что? – изумилась миссис Зяблик.

– Я все утро, – раздраженно сказал генерал, – передавал тебе это на языке барабанов, так что повторять больше не буду.

– Да дело в том, – поспешила разъяснить Аманда, – что сельчане потеряли своих ослов, а мы нашли их и теперь требуем обещанного за это вознаграждения.

– Какая прелесть, милая, – сказала миссис Зяблик. – Ты видела маленькие зеленые орхидеи, которые растут, спускаясь вниз по деревьям? Очень боюсь, что такой до сих пор нет в моей коллекции.

На следующее утро мэр по пыльной дороге потрусил на маленьком пони в Мелиссу и скрепя сердце снял со своего банковского счета двадцать тысяч драхм, тщательно пересчитал купюры и спрятал в свой бумажник. Затем он отправился обратно в Каланеро.

В четыре часа пополудни все жители деревни от мала до велика собрались на главной площади деревни посмотреть, как мэр будет выплачивать вознаграждение, – во-первых, потому, что Аманда и Дэвид стали всеобщими любимцами, а во-вторых, сама мысль о том, что мэру придется расстаться с двадцатью тысячами драхм, приводила всех в восторг. Генерал-майор Зяблик с супругой спустились на площадь и встали в стороне от толпы, а брат с сестрой направились к таверне, где за столом, накрытым по такому случаю белоснежной скатертью, восседал мэр. Поставленный перед неизбежностью расплаты, он пытался сделать как можно лучшую мину при неблагоприятной для себя игре. Когда Аманда и Дэвид прошествовали к столу, он торжественно встал и произнес краткую речь.

– Жители Каланеро! – изрек он. – В течение долгого времени лучшим подтверждением репутации острова Мелиссы и, в частности, деревни Каланеро являлось желание чужестранцев гостить у нас и наше гостеприимство по отношению к ним.

– Правильно, – пробормотал папаша Йорго.

– Когда эти золотые крошки впервые приехали к нам гостить, – продолжил мэр, – мы приняли их как родных. Они показали себя смелыми, благородными и скромными аристократами.

По площади пронесся гул одобрения.

– За то время, что они пробыли с нами, – сказал мэр, – они сделали для нас, жителей Каланеро, немало полезного. Назову в первую очередь спасение моей жизни, когда подо мною рухнул мост.

Он сделал паузу и выпил стакан воды.

– И вот сейчас, – продолжил он, жестикулируя, словно драматический актер, – благодаря своей проницательности и мужеству они спасли всю деревню Каланеро, возвратив нам наших ослов и моего маленького пони.

– Когда же он наконец заткнется? – проворчал Дэвид, которому все это порядком надоело.

– Пусть позабавится. Бедняжка! – прошептала в ответ Аманда.

– Всем вам известно, – сказал наконец мэр, – что я объявил о вознаграждении тому, кто найдет ослов. Как человек слова, я намерен сейчас вручить объявленное вознаграждение этим двум замечательным детям.

Торжественно он вынул из кармана бумажник и принялся сосредоточенно пересчитывать две пачки сотенных купюр. Все жители хором отсчитывали каждую банкноту, ложившуюся на стол. Наконец он выложил на стол последнюю купюру и раскинул руками.

– Двадцать тысяч драхм! – крикнул он дрожащим голосом. – Я выплачиваю двадцать тысяч драхм нашим самым дорогим гостям за то, что они нашли наших ослов!

Восторженные возгласы толпы стали понемногу стихать.

– Вперед, – пробормотал Дэвид Аманде. – Бери деньги.

– Нет, ты, – сказала Аманда, чувствуя свою вину так же, как и брат.

– Ну что ж, пойдем вместе, – сказал Дэвид, решившись на компромисс.

Они шагнули вперед и взяли по пачке сотенных банкнот. Тут же на площади воцарилась тишина – очевидно, общественность ждала, что же скажут герои в ответ на речь мэра. Аманда взглянула на Дэвида, но тот стоял с красным лицом и словно проглотил язык. Тогда Аманда покашлялась и взяла слово.

– Жители Каланеро! – начала она. – Сегодня мэр Ишакис оказал нам большую честь, выплатив нам вознаграждение за то, что мы отыскали ослов. Но мы знаем, что многие из вас бедны и гораздо беднее нас. Поэтому мы с братом чувствуем, что с нашей стороны будет некрасиво принять эти деньги.

Мэру показалось, что забрезжила крохотная надежда.

– Поэтому мы с братом, – продолжала Аманда, – обсудили, как с ними лучше поступить. Вы знаете, что все жители Каланеро – наши друзья, но наш лучший друг – Яни Паниоти.

Она кивнула Яни, находившемуся в толпе, и тот вышел вперед и присоединился к детям, стоявшим у стола.

– Как вы знаете, – сказала Аманда, – отец Яни умер в прошлом году и, к несчастью, оставил после себя огромный долг.

– Да-да, – забормотали жители Каланеро, – мы это знаем.

– И мы с братом, – сказала Аманда, – решили передать деньги Яни, чтобы он смог выплатить оставшийся за отцом долг.

Раздались крики «Браво!», «Какое благородство!» и тому подобные. Аманда торжественно передала деньги Яни. Мальчик со слезами на глазах расцеловал Дэвида в обе щеки и, к удовольствию сельчан, поцеловал Аманду прямо в губы. Затем он обратился к мэру.

– Мэр Ишакис, – сказал он. – Вот восемнадцать тысяч драхм, которые вам задолжал мой отец. Вся деревня свидетельствует, что я возвращаю долг полностью.

Он аккуратно положил перед мэром пачку денег. Снова раздались крики «Браво!», но мэр, вместо того чтобы радоваться, что к нему вернулась большая часть денег, странным образом переменился. Его лицо, обычно бледное, цвета сыра, налилось кровью, а глаза выпучились.

– Вы все это устроили! – внезапно заорал он, вскочив на ноги и грозя пальцем Аманде, Дэвиду и Яни. – Вы все это устроили!

Сельчане стихли. Такого поворота они не ожидали.

– Это *они* угнали ишаков! – кричал мэр, выйдя из себя от гнева. – Это *они* угнали ишаков, чтобы требовать вознаграждения и передать его Яни Паниоти, чтобы не дать мне воспользоваться моим законным правом оттянуть у него землю. Вот кто эти «коммунисты», которых мы повсюду ищем!

Секунду-другую сельчане смотрели на детей вытаращенными глазами, прежде чем до них дошел смысл слов мэра. Но когда дошел, они поняли, как прекрасно все обернулось. Мэр оказался опозорен, и ему пришлось расстаться с двадцатью тысячами драхм, а Яни Паниоти был спасен и все благодаря смекалке английских детей. Первым, до кого дошел смысл происшедшего, был папаша Никос. Как только ситуация раскрылась перед ним во всей красе, он разразился таким взрывом смеха, что было слышно за целую милю. Может быть, другое общество пришло бы в негодование от всего того, что проделали дети, но это были мелисситы, которые рассуждали по-своему. Вся деревня разразилась смехом и хохотала как никогда. Что касается мэра, то, как он ни злился, в конце концов ему пришлось сдаться: всеобщего смеха ему было не пересилить.

А что касается трех детей – героев событий, то они не без оттенка гордости прошествовали через главную площадь деревни мимо жителей, многие из которых едва держались на ногах от хохота, и направились к вилле.

